

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1989

10

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

10

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редакто-
ра*), акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН
УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕ-
НОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙ-
РУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук
З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. С. ЗИЯМОВ,
доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор филол. наук
Э. А. ҚАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор
экон. наук П. Х. НАСЫРОВ, доктор филос. наук Х. П. ПУ-
ЛАТОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр.
наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИ-
ДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, доктор ист.
наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХАСАН-
ДУЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХАМЕДОВ, док-
тор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. наук Р. Х. СУ-
ЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1989 г.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Негматова*

Сдано в набор 2.11.89. Подписано к печати 23.11.89. Р10826. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 5,5. Усл.
кр.-отт. 5,81. Тираж 900. Заказ 249. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 78.

... Сегодняшняя перестройка — это продолжение дела Октября, это подтверждение в новых исторических условиях того выбора, который был сделан в 1917-м под руководством Ленина, партии большевиков...

... Мы остаемся привержены своему выбору, мы будем осуществлять перестройку и обновление нашего общества на социалистических ценностях... И партия, и пресса должны это иметь в виду. Мы не можем изменить своей природе, своему предназначению.

*Из беседы М. С. Горбачева в редакции
«Правды».*

... Несмотря на все то трагическое, драматичное, на те деформации, которые осложнили и замедлили реализацию социалистических идеалов... есть основания констатировать, что наш исторический путь — уникальное достижение современности.

... Главный смысл и высший смысл журналистского труда, журналистского творчества — отстаивать наши социалистические ценности, продвигать идеи перестройки, утверждать позитивные, прогрессивные тенденции. И решительно преодолевать все негативное.

*Из беседы М. С. Горбачева в редакции
«Правды».*

Т. БЕДРИНЦЕВА, Г. МАХМУДОВА

К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФОНДОВ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА УзССР

Одна из важнейших проблем повышения эффективности производства — улучшение использования производственного аппарата, в частности основных производственных фондов (ОПФ). Возрастающая значимость ее определяется не только ростом и совершенствованием основных фондов, но и большим влиянием уровня использования их на эффективность общественного производства в целом, на количественные и качественные показатели роста отдельных предприятий, а также наличие значительных резервов в этой области.

На июньском (1986) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев отмечал: «Говоря о резервах, хотел бы начать с проблемы лучшего использования основных производственных фондов, оптимизации их воспроизводства. Ведь это — решающая часть богатства социалистического общества, материальная основа нашего экономического потенциала. И в использовании основных фондов нам надо навести порядок, обеспечить подлинно хозяйское, рациональное к ним отношение и эффективное воспроизводство»¹.

Совершенствование основных производственных фондов во многом определяется уровнем и темпами развития фондообразующей отрасли — машиностроения. Это — одна из ключевых отраслей социалистической экономики, фундамент технического прогресса. В Узбекской ССР сформирован многоотраслевой машиностроительный комплекс.

Для машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности характерны опережающие темпы развития по сравнению с промышленностью в целом. Так, если в 1985 г. объем валовой продукции промышленности превысил уровень 1975 г. в 1,6 раза, то в машиностроении и металлообработке — в 2,1 раза. Здесь создается почти пятая часть валовой продукции промышленности и сосредоточено около одной седьмой части основных фондов промышленного производства. За 1975—1985 гг. промышленно-производственные основные фонды машиностроения и металлообработки УзССР увеличились в 2,4 раза. Среди отраслей машиностроения и металлообработки наиболее быстро росли промышленно-производственные основные фонды приборостроения, подшипниковой, других отраслей тракторного и сельскохозяйственного машиностроения и электротехнической промышленности. По остальным отраслям машиностроения прирост фондов был несколько ниже, чем в целом по отрасли.

Однако, как свидетельствуют данные табл. 1, среднегодовые темпы прироста основных производственных фондов по ведущим отраслям машиностроения опережали темпы роста объема продукции: по комплексу в целом — в 1,3 раза, машиностроению — в 1,32, электро-

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС, 16 июня 1986 г. М., 1986. С. 19.

технической — в 2,0, тракторном и сельхозмашиностроении — в 1,86 раза. Среднегодовые темпы роста основных производственных фондов по ремонту машин и оборудования превысили темпы роста объема валовой продукции в 5,1 раза. Это сказалось на резком росте фондовооруженности, снижении фондоотдачи и незначительном повышении производительности труда.

Таблица 1

Темпы роста основных экономических показателей машиностроительного комплекса за 1975—1985 гг.*

Отрасль	Среднегодовые темпы прироста за 1976—1985 гг.		Темпы роста		Изменение уровня фондоотдачи
	общего объема продукции	основных производственных фондов	фондовооруженности труда	производительности труда	
Машиностроительный комплекс	6,6	8,1	174,5	140,5	81,6
Машиностроение	6,8	9,0	201,8	151,0	74,3
в том числе отрасли:					
электротехническая	4,5	9,1	239,6	145,2	61,0
химическая и нефтехимическая	6,2	8,9	200,0	141,2	69,0
горношахтная и горнорудная	7,4	4,4	131,0	187,7	132,3
станкостроительная и инструментальная	5,3	6,8	151,3	130,1	78,7
приборостроение	12,0	13,6	68,3	200,0	88,9
подшипниковая	2,4	13,0	264,8	124,1	101,5
тракторо- и сельхозмашиностроение	5,0	9,3	194,3	132,5	69,3
строительно-дорожное	0,6	4,2	151,4	92,0	66,5
подъемно-транспортное	4,2	2,5	114,4	136,3	114,5
для легкой и пищевой	5,6	7,2	169,5	144,2	85,3
межотраслевое производство	8,8	4,4	147,8	221,9	147,1
сантехоборудование	3,3	5,7	150,9	122,7	1,26
другие отрасли	11,2	12,4	226,1	197,5	107,8
Производство металлоконструкций и изделий	3,2	3,4	131,7	203,8	98,1
Ремонт машин и оборудования	1,5	7,7	137,4	126,8	99,2

*Рассчитана авторами по данным Госкомстата УзССР.

За рассматриваемый период в результате роста технической оснащенности произошли существенные изменения в росте фондовооруженности (74,5%) и электровооруженности (121,3%) труда.

На современном этапе развития экономики в условиях интенсификации производства все большее значение приобретает повышение эффективности использования основных производственных фондов. В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.» подчеркивается: «Интенсивнее использовать созданный производственный и научно-технический потенциал. Добиваться ритмичности производства, максимальной загрузки оборудования, существенно повысить сменность его работы»².

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 278.

Наиболее общим показателем использования основных фондов является фондоотдача, т. е. соотношение между стоимостью продукции и среднегодовой величиной основных фондов.

Повышение уровня фондоотдачи по отраслям и предприятиям машиностроения и металлообработки УзССР — важное условие повышения экономической эффективности производственной деятельности, значительного увеличения выпуска продукции без дополнительных капитальных вложений или с меньшими капитальными вложениями, чем на реконструкцию и новое строительство.

Изменение фондоотдачи зависит от использования наличных производственных мощностей.

Исследование уровня использования производственных мощностей по некоторым видам продукции показало, что использование производственных мощностей по производству сельскохозяйственных машин составило 144%, по металлорежущим инструментам — 119%. В то же время наблюдалось недоиспользование производственных мощностей в производстве щелочных аккумуляторов (15,2%), запчастей к тракторам (73,8%); хлопкоуборочных машин — 94,3%. А по многим видам продукции использование установленных мощностей составило 100%. Все это — следствие допущенных на практике ошибок и неувязок в проектах, неотлаженности системы материально-технического снабжения.

Вместе с тем уровень использования производственных мощностей в первую очередь зависит от потребностей народного хозяйства в отдельных видах продукции. Так, в одиннадцатой пятилетке по ряду наименований выпускаемой техники (холодильники хлопкоуборочные машины, ворохоочистители, сеялки хлопковые, отдельные виды технологического оборудования для хлопкоочистительной и текстильной промышленности, приборостроения и т. д.) из-за насыщенности эксплуатационного парка, а также недостаточно высокого качества этих видов оборудования, снизилась потребность. Так, объем производства продукции для сельского хозяйства определяется ныне заявками предприятий, входящих в систему Госагропрома УзССР, с учетом заявок на сельхозмашины других республик страны. Заявка Госагропрома УзССР на 1988—1989 гг. значительно ниже имеющихся производственных мощностей.

Закономерно, что там, где выше уровень использования производственных мощностей, выше темпы роста фондоотдачи. Однако изучение динамики фондоотдачи в промышленности в целом и в отраслях машиностроительного комплекса, в частности, показывает устойчивую тенденцию к ее снижению. Если бы фондоотдача в 1985 г. оставалась на уровне 1975 г., народное хозяйство республики могло бы получить дополнительно свыше 800 млн. руб. машиностроительной продукции, на уровне 1980 г. — 350 млн. руб. Динамика фондоотдачи по подотраслям свидетельствует, что наиболее высокая фондоотдача основных фондов имеет место в отраслях союзной специализации: электротехнической, производстве горношахтного и горнорудного и подъемно-транспортного оборудования; индекс фондоотдачи этих отраслей намного выше среднеотраслевого.

Изменение уровня фондоотдачи зависит от разных факторов, в том числе от материально-вещественной структуры основных фондов, от отдачи активных элементов.

Рациональная структура основных фондов способствует росту фондоотдачи.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что наиболее высокое значение фондоотдачи имеет при повышении удельного веса машин и оборудования в общем объеме основных фондов в интервале 56—65%, превышение этого уровня ведет к снижению фондоотдачи.

Лишь 15,3% предприятий имеют относительно рациональную материально-вещественную структуру основных фондов, у них фондоотдача выше среднеотраслевой в 1,32 раза.

За 1975—1985 гг. произошли существенные изменения в структуре основных фондов. Повысился удельный вес технологического оборудования, что привело к улучшению соотношения между активной и пассивной частями основных фондов, к повышению насыщенности производственных площадей машинами и оборудованием, к росту механо-вооруженности труда. Таким образом, доля активной части основных фондов возросла на 5,7% и составила 54% по машиностроительному комплексу.

Таблица 2

Зависимость фондоотдачи от материально-вещественной структуры основных фондов в машиностроении УзССР в 1985 г.*

Доля предприятий к общему количеству, %	Удельный вес машин и оборудования в общем объеме основных фондов, %	Фондоотдача	
		абс., руб.	индекс соотношения к рациональному уровню
36,3	35—45	1,28	0,73
47,6	46—55	1,22	0,69
15,3	56—65	1,76	1,0
0,8	88,0	0,55	0,31

* Рассчитана авторами по данным Госкомстата УзССР.

очередь оказало благоприятное влияние на динамику производительности труда. Среднегодовые темпы роста производительности труда за 1980—1985 гг. по машиностроительному комплексу в целом составили 3,4%, по машиностроению — 24%.

Анализ технологического оборудования в машиностроении и металлообработке республики показал, что 71% оборудования установлено в основном производстве, 29% — во вспомогательном. Соотношение металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования по отрасли составляет 3,7:1. Это объясняется тем, что в технологии обработки металлов преобладают процессы резания, связанные с большими затратами материалов, потерями металла в стружке. Еще хуже соотношение в автомобильной (7,1:1), химической и нефтехимической промышленности (6,5:1), строительно-дорожном машиностроении (5,1:1).

Рост фондоотдачи зависит от многих факторов, среди которых особую роль играет увеличение времени полезной работы оборудования, т. е. повышение коэффициента сменности оборудования. В целом по машиностроению он составляет 1,4 (в тракторном и сельскохозяйственном машиностроении — 1,6, электротехнической промышленности — 1,7), при этом коэффициент загрузки металлорежущего оборудования — 0,55—0,68, кузнечно-прессового — 0,52—0,66. В общем составе оборудования машиностроительного комплекса значительно количество морально и физически устаревшего оборудования. Возрастной состав оборудования свыше 5 лет достигает почти 56%.

Особенно неблагоприятное состояние наблюдается в производстве машин и оборудования для легкой и пищевой, химической и нефтехимической промышленности, строительно-дорожного машиностроения. Более 90% оборудования с возрастом до 5 лет — в молодой развивающейся отрасли — производстве машин и оборудования для животноводства.

водства и кормопроизводства. Уровень его физического износа в целом по комплексу составляет ныне 35,0%. Во вновь введенных производственных основных фондах в машиностроении коэффициент обновления составил в 1975 г. 12,0%, в 1980 г.—9,9, в 1985 г.— всего 9,6%. Особенно низко этот коэффициент в химическом машиностроении, станкостроительной и инструментальной промышленности, производстве оборудования для легкой и пищевой промышленности, сантехоборудования. Такой большой разрыв между коэффициентами обновления и выбытия объясняется высоким темпом роста основных фондов в основном за счет расширения и нового строительства с более медленным темпом выбытия. Сложившийся коэффициент выбытия в машиностроении республики в 3,7 раза ниже коэффициента обновления, что свидетельствует о низком качестве используемого производственного аппарата.

Соотношение выбывающих и вводимых основных производственных фондов в 1985 г. составило по комплексу около 35% (за 10 лет выросло на 3,3%). Это свидетельствует о низких темпах выбытия и излишнем накоплении в машиностроительном комплексе устаревших основных фондов.

Все это привело к неуклонному старению оборудования. За последние 10 лет исследуемого периода степень изношенности основных фондов по комплексу возросла на 131,6% и достигла к 1985 г. 35%.

Более 45% оборудования изношено в производстве горношахтного и горнорудного оборудования, строительно-дорожном, подъемно-транспортном машиностроении, межотраслевом производстве, производстве сантехоборудования, т. е. в тех отраслях, где наблюдается наивысший средний возраст оборудования.

Изношенность оборудования приводит к значительным затратам на его капитальный ремонт. Только за 1975—1980 гг. эти затраты увеличились в 2 раза, амортизационные отчисления — в 2,6 раза, из них более 60% было направлено на полное восстановление основных фондов и около 40% — на капитальный ремонт, причем соотношение по составляющим комплекс оставалось стабильным в течение 10 лет.

На предприятиях г. Ташкента и Ташкентской области сконцентрировано около 70% всех производственных фондов машиностроительного комплекса республики, они же выпускают основную часть валовой продукции, тогда как в других областях (Бухарская, Сурхандарьинская Хорезмская) удельный вес стоимости основных производственных фондов составляет менее 2%, причем такое положение стабильно в течение последних 10 лет, несмотря на значительный абсолютный рост основных фондов.

Вместо замены устаревшего оборудования предприятие из-за недостатка нового, более совершенного и производительного оборудования продолжает эксплуатировать физически и морально изношенную технику с давно истекшим амортизационным сроком. Обновление фондов осуществляется преимущественно на экстенсивной основе.

По многим отраслям машиностроения недоиспользованы затраты на капитальный ремонт из амортизационных отчислений: по электротехнической промышленности — на 55%, приборостроению — на 56,8, подъемно-транспортному машиностроению — на 68,3, межотраслевому производству — на 33,3%. В других же отраслях затраты на капитальный ремонт превышают выделяемую на эти цели сумму: по производству горно-шахтного и горнорудного оборудования — на 26,1%, подшипниковой промышленности — на 5,8%. В целом по машиностроительному комплексу недоиспользовано 28% выделенных средств. Видимо, в перспективе необходимо учесть такое положение при составлении прогнозов затрат на амортизацию и перераспределение их между полным восстановлением и капитальным ремонтом в сторону роста первого.

Следует отметить, что развитие отраслей машиностроительного комплекса, наращивание его производственных мощностей, строительство новых предприятий оказало влияние на изменение отраслевой и территориальной структуры основных производственных фондов. Отраслевая структура машиностроительной промышленности республики, на долю которой приходится более 70% стоимости ОПФ машиностроительного комплекса, сформировалась и развивалась в соответствии с общесоюзной специализацией Узбекистана на производстве хлопка-сырца. Поэтому ведущее место в ней занимают тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, производство оборудования для легкой и пищевой промышленности.

Вместе с тем надо отметить, что за последние 10 лет существенных изменений в отраслевой структуре не произошло.

Анализ воспроизводственного процесса показал, что в перспективе необходимо предусмотреть мероприятия, направленные на совершенствование состава и структуры основных производственных фондов, повышение эффективности использования оборудования, коэффициента сменности, загрузки оборудования.

Важнейшие условия усиления интенсивных факторов — улучшение пропорций между вводом и выбытием основных фондов, более полное использование созданного производственного потенциала с тем, чтобы, вовлекая в производство сравнительно меньше ресурсов, можно было добиться больших результатов.

Дальнейшее развитие машиностроительной промышленности республики требует сочетания интенсивных и экстенсивных факторов — роста машиностроительного производства на основе нового строительства с резким повышением производительности труда на базе технического перевооружения действующих предприятий в направлениях: внедрения новой техники, прогрессивной технологии, механизации и автоматизации производственных процессов, модернизации либо замены морально и физически изношенного оборудования, ликвидации узких мест в технологической цепочке создания машиностроительной продукции, совершенствования структуры и организации производства. Чем выше технический уровень фондов, рациональнее их структура, тем шире потенциальные возможности и лучше качество выпускаемой продукции.

Необходимо обеспечить значительные сдвиги в технологической структуре оборудования в сторону увеличения в его составе автоматов и полуавтоматов, станков с ЧПУ, робототехники, обрабатывающих центров, гибких, переналаживаемых производств и др. Особое внимание надо уделять развитию собственной базы станкостроения, что в сочетании с общесоюзными поставками оборудования позволит довести среднегодовой коэффициент обновления технологического оборудования до 0,12—0,15; улучшить соотношение между кузнечно-прессовым и металлорежущим оборудованием; довести коэффициент сменности оборудования до 1,8, что равноценно приросту 1,2 млрд. руб. валовой продукции (при современной стоимости фондов). Все это будет способствовать улучшению использования основных производственных фондов и повышению эффективности их отдачи.

А. Я. ШАГИМУРАТОВ

О СРЕДСТВАХ ЗАЩИТЫ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

В соответствии со ст. 22 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 46 УПК УзССР), «защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы

защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь».

Применительно к стадии предварительного следствия к средствам защиты, в частности, относятся: представление доказательств; заявления ходатайств и отводов; ознакомление со всеми материалами дела; принесение жалоб на действия и решения следователя и прокурора. Классификация, предложенная В. Д. Адаменко, относит эти средства защиты к общим, т. е. присущим всем субъектам защиты¹.

Для обвиняемого представление доказательств есть его сугубо субъективное право. По существу таковым оно является и для его защитника, выступающего самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности.

Нельзя согласиться с тем, что собирать доказательства (а следовательно, и представлять их) защитник вправе лишь в порядке исключения, а не правила². Указания ст. 7 Закона об адвокатуре в СССР (ст. 17 Положения об адвокатуре Узбекской ССР) о том, что адвокат обязан «использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты интересов граждан и организаций, обратившихся к нему за юридической помощью», нацеливают защитников на активную процессуальную деятельность по собиранию доказательств.

Здесь может возникнуть вопрос — вправе ли защитник представлять следствию доказательства, в достоверности которых он сам не убежден, которые считает сомнительными? Разумеется, заведомо ложные доказательства адвокат не вправе представлять ни в коем случае. Но если о доказательстве нельзя сказать категорически, достоверно оно или нет, но в какой-то мере оно все же может послужить установлению благоприятных и опровержению неблагоприятных для обвиняемого обстоятельств, защитник обязан представить такое доказательство следствию. Это доказательство, как и всякое иное, необходимо проверить, исследовать, пока не станет ясно, достоверно оно или нет. Но пока благоприятное для обвиняемого доказательство продолжает оставаться сомнительным, оно не может быть отвергнуто, так как неустранимое сомнение толкуется в пользу обвиняемого, о чем прямо сказано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту».

Защитник может также собирать справки, характеристики и иные письменные документы путем запроса через юридическую консультацию. На наш взгляд, более целесообразно предоставление адвокату права истребования документов или сведений от своего имени. Из 220 опрошенных адвокатов Ташкентской городской коллегии 194 (88%) высказались за участие защитника не только в представлении доказательств, но и в их собирании и проверке.

На практике, к сожалению, защитники еще не в полной мере используют свое право на представление доказательств. Так, по данным В. Д. Адаменко, в стадии предварительного следствия защитники представляют доказательства лишь в 14,3% случаев их участия в деле³.

Заявление ходатайств — одно из самых распространенных средств защиты в советском уголовном судопроизводстве, в том числе на предварительном следствии. Субъекты защиты пользуются этим средством защиты в качестве реакции на недостатки, допущенные в процессе

¹ Адаменко В. Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. Томск, 1983. С. 75.

² Фаткуллин Ф. Н., Зиятуллин З. З., Аврах Я. С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань, 1976. С. 133.

³ Адаменко В. Д. Советское уголовно-процессуальное представительство. Томск, 1978. С. 132.

производства предварительного следствия, в том числе на нарушения прав и законных интересов участников процесса; для выражения своего несогласия с юридической квалификацией преступления, избранной мерой пресечения; в целях приобщения определенных объектов в качестве вещественных доказательств по делу; для постановки вопроса о производстве определенного следственного действия, дополнении, приостановлении или прекращении расследования и т. д. Законодатель (ст. ст. 115, 182 УПК УзССР) требует, чтобы заявленные ходатайства были в пределах закона и могли иметь определенное значение для правильного разрешения дела.

Защитник обязан также помочь обвиняемому сформулировать ходатайство, дать ему правильное юридическое обоснование. По просьбе обвиняемого защитник вправе и сам написать текст такого ходатайства. Причем содержание ходатайства еще до его предъявления защитник может согласовать со своим подзащитным.

Согласно ст. 224 УПК АзССР, ст. 197 УПК АрмССР и ст. 193 УПК КиргССР, для формулирования ходатайства на предварительном следствии предоставляется суточный срок.

В уголовно-процессуальном законодательстве других союзных республик содержится лишь принципиальное указание о том, что должностные лица правоохранительных органов обязаны обеспечить защитнику возможность заявлять ходатайства (ст. ст. 19, 58, 202 УПК РСФСР, ст. ст. 13, 47 УПК УзССР). В соответствии со ст. 115 УПК УзССР, заявленные ходатайства следователь обязан рассмотреть в течение трех суток и о принятом решении известить заявителя. Думается, что указанный срок является оптимальным и соответствующие в этой части дополнения необходимо внести, в частности, в ст. 131 УПК РСФСР.

Весьма полезной была бы легализация практики направления прокурору копии ходатайства, заявленного защитником или обвиняемым следователю⁴.

Отказ в удовлетворении ходатайства не ограничивает права субъектов защиты заявлять его в дальнейшем.

Наглядным примером обоснованного ходатайства и проявления настойчивости в достижении поставленной цели может служить деятельность адвоката юридической консультации Сабир-Рахимовского района г. Ташкента У. Миртуллаева на предварительном следствии по уголовному делу главного врача одной из больниц г. Ферганы Я., который обвинялся в получении взятки (ст. 152 ч. II УК УзССР).

Ознакомившись с материалами уголовного дела, адвокат пришел к выводу, что обвинение Я. построено исключительно на показаниях заинтересованных в исходе дела лиц. В своем письменном ходатайстве адвокат вскрыл имеющиеся противоречия в фигурирующих по делу доказательствах, показал их надуманный и тенденциозный характер, указал на односторонность следствия и его обвинительный уклон, а также обратил внимание на то, что следователь оказался в плену появившейся в местной печати статьи, в которой главврач был представлен как матерый взяточник.

Несмотря на приведенные в ходатайстве и в жалобе факты, они были отклонены как следователем, так и прокурором Ферганской области.

Однако адвокат добился личного приема у прокурора Узбекской ССР и убедил его в своих доводах. Уголовное дело в отношении Я. со стадии предания суду было возвращено на дополнительное рас-

⁴ Либус И. А. Охрана прав личности в уголовном процессе. Ташкент, 1975. С. 67.

следование, в процессе которого производство по нему было прекращено. Так благодаря целеустремленной и квалифицированной деятельности защитника было восстановлено доброе имя врача и коммуниста Я.

Среди средств защиты значительное место занимает возможность заявления отводов следователю, прокурору (эксперту, специалисту, переводчику). Заявление отвода имеет место в случаях, когда субъекту защиты стали известны обстоятельства, исключающие участие указанных лиц в уголовном судопроизводстве (ст. ст. 32, 33¹, 69 УПК УзССР). Отвод может быть заявлен в любой момент предварительного следствия, как только обвиняемому или его защитнику станут известны соответствующие обстоятельства.

По мнению Г. П. Саркисянца, «отвод следователю и лицу, производящему дознание, должен быть заявлен до окончания соответственно предварительного следствия или дознания», а «позднейшее заявление о наличии оснований для их отвода может иметь значение лишь для оценки проведенного дознания или следствия»⁵. В это правильное утверждение, на наш взгляд, надо внести уточнение о том, что обстоятельства, в силу которых следователь не вправе производить по делу предварительное следствие, носят объективный характер, а потому оценка правильности производства следствия должна быть однозначной — имело ли место существенное нарушение уголовно-процессуального закона со всеми вытекающими правовыми последствиями.

Каждый из субъектов защиты может самостоятельно реализовать свое право на заявление отвода. Возможно, что защитник и не соглашается с намерением обвиняемого заявить отвод, тем не менее он не вправе сообщить об этом кому бы то ни было, в первую очередь должностным лицам правоохранительных органов.

Заявление об отводе может быть сделано как в устной форме, с отражением его в протоколе соответствующего процессуального действия (например, в протоколе допроса), так и письменно, но в любом случае мотивированно, с приведением конкретных доводов. Хотя такое указание в законодательстве закреплено лишь применительно к вопросу об отводе судьи (ч. 2 ст. 38 УПК УзССР), полагаем, что оно в равной мере относится ко всем другим участникам процесса, которым может быть заявлен отвод.

Законодатель достаточно подробно регламентирует процесс ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами окончательного расследования уголовного дела (ст. ст. 179—182 УПК УзССР). Они должны быть представлены обвиняемому и его защитнику в полном объеме, в подшитом, пронумерованном виде.

Обвиняемый вправе вообще отказаться от ознакомления с материалами окончательного расследования уголовного дела и такой отказ не влечет за собой никаких правовых последствий. Но это может нанести ущерб интересам обвиняемого, а потому задача защитника — в каждом конкретном случае разобраться и оказать обвиняемому необходимую правовую помощь.

По просьбе обвиняемого или защитника следователь может разрешить им ознакомиться с материалами уголовного дела отдельно (ст. 179 УПК УзССР). При этом, на наш взгляд, целесообразнее предоставлять первому знакомиться с делом защитнику, чтобы он имел возможность оказать более действенную помощь своему подзащитному, когда тот, в свою очередь, будет знакомиться с делом.

Изучая материалы дела, защитник выясняет обоснованность воз-

⁵ Саркисянец Г. П. Защита на предварительном следствии в советском уголовном процессе. Ташкент, 1964. С. 60—61.

буждения уголовного дела и привлечения лица к уголовной ответственности (ст. ст. 89, 122 УПК УзССР), наличие обстоятельств, исключающих производство по делу, а также других оснований для его приостановления или прекращения (ст. 175 УПК УзССР).

Защитник устанавливает, подтверждаются ли имеющимися доказательствами обстоятельства преступления, указанные в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, выясняет правильность формулирования обвинения, юридической квалификации содеянного, а также доказательств виновности обвиняемого в его совершении.

Защитник выясняет также, насколько полно в ходе предварительного расследования выяснены обстоятельства, смягчающие ответственность обвиняемого, а также данные, характеризующие его личность, правильно ли исследованы мотивы и условия, способствовавшие совершению преступления, характер и размер причиненного ущерба. В поле зрения защитника должен быть и вопрос об обоснованности применения к обвиняемому той или иной меры пресечения.

Ознакомление с материалами предварительного следствия предполагает тщательную, кропотливую работу защитника.

Защитник имеет право выписывать из дела необходимые сведения (ч. 1 ст. 180 УПК УзССР). Это исключительно важное средство защиты, ибо какой бы ни была память защитника, выписки из дела необходимы, без них он к концу изучения дела не сможет, как правило, сделать правильные выводы о полноте проведенного следствия.

Исходя из закона, охраняющего адвокатскую тайну, защитник не имеет права разглашать содержание своего досье, а должностные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, — знакомиться с этим досье (ст. 6 Закона об адвокатуре в СССР, ч. 5 ст. 46 УПК УзССР).

Защитник самостоятельно определяет, что и в каком объеме выписывать из дела. Нам представляется, что в адвокатском производстве должны находиться документы, прямо или косвенно относящиеся к предъявленному обвинению, такие, как: постановление о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого и избрании меры пресечения, протоколы задержания, производства обысков и выемок, наложения ареста на имущество, осмотров местности и вещественных доказательств, допросов подзащитного, других обвиняемых, потерпевших, свидетелей, очных ставок, заключения экспертов, характеристики, справки о судимости, прочие документы, относящиеся к личности подзащитного (справки о болезни, составе семьи и т. д.).

Время, необходимое для изучения материалов дела, зависит от их объема, сложности и многих других причин, которые иногда бывает трудно учесть. В силу этого закон и не ограничивает во времени процесс ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела. Лишь в том случае, когда обвиняемый и его защитник явно тянут время, следователь вправе своим мотивированным постановлением, утвержденным прокурором, установить им определенный срок (ч. 6 ст. 179 УПК УзССР).

Устанавливаемое время должно быть достаточным для уяснения содержания материалов дела и подготовки к защите. Фактом вопиющего нарушения права обвиняемого на защиту является описанный Ю. И. Стецовским случай, когда на ознакомление с делом в объеме 347 листов следователь выделил только три часа⁶. В этой связи отметим, что на вопрос о том, из какого расчета необходимо выделять время для ознакомления защитника с материалами уголовного дела, 132 (60%) из опрошенных нами 220 адвокатов Ташкентской городской коллегии ответили, что из расчета один том за один день.

⁶ Стецовский Ю. И. Если человек обвинен в преступлении. М., 1988. С. 184.

Если обвиняемый и его защитник знакомились с материалами дела отдельно, об этом составляются отдельные протоколы. Если с материалами предварительного следствия обвиняемый ознакомился один, не имея защитника, а к моменту подписания протокола об ознакомлении с делом изъявил желание пригласить защитника, чтобы с его участием провести такой процессуальный акт, следователь обязан удовлетворить его просьбу.

Важное значение для охраны прав обвиняемого и его защитника имеет установленная законом возможность обжалования действий и решений следователя прокурору. Согласно п. 5 ст. 180 УПК УзССР, защитник вправе принести прокурору жалобу на действия следователя, нарушающие или стесняющие права защитника или обвиняемого.

Так, по уголовному делу в отношении следователя Октябрьского РОВД г. Ташкента Т., обвиняемой по ч. II ст. 152 УК УзССР, т. е. в получении взятки от родственников подследственного Я., в виде стоимости авиабилетов из Ташкента в Алма-Ату и обратно на общую сумму 82 руб., защитник обвиняемой адвокат У. Миртуллаев заявил ходатайство о допросе кассира трансгентства С., которая, по словам Т., продала ей указанные авиабилеты лично при предъявлении паспорта.

Ввиду отклонения этого ходатайства следователем прокуратуры г. Ташкента А., оно было обжаловано защитником прокурору г. Ташкента и в последующем удовлетворено. В итоге уголовное дело в отношении Т. было производством прекращено ввиду отсутствия в ее действиях события преступления (п. I ст. 5 УПК УзССР).

Составление жалоб в интересах обвиняемого — одна из важных форм оказания защитником действенной правовой помощи подзащитному. Недопустимы как поверхностный подход к составлению жалоб по поводу действительно допущенных нарушений закона, прав и интересов обвиняемого, так и подача необъективных, не имеющих необходимого обоснования жалоб. Жалоба может быть подана в течение всего периода предварительного следствия. Изложить ее можно как в письменной, так и в устной форме. Устные жалобы заносятся в протокол, который подписывается лицом, подавшим жалобу, и следователем (ст. 194 УПК УзССР). Следователь обязан в течение двадцати четырех часов направить поступившую жалобу вместе со связанными объяснениями прокурору.

Прокурор в течение трех суток по получении жалобы обязан рассмотреть ее и уведомить защитника о результатах рассмотрения. В случае отказа в удовлетворении указанных в жалобе ходатайств прокурор обязан изложить мотивы, по которым жалоба признана неосновательной (ст. 195 УПК УзССР).

Право защитника обжаловать действия следователя — важная гарантия реального обеспечения предоставленных ему законом процессуальных прав.

Давно уже возникает вопрос об усовершенствовании порядка обжалования действий следователя: существующий порядок недостаточно эффективен, ибо жалоба, как правило, подается тому прокурору, который осуществляет надзор за расследованием дела и потому в значительной мере несет ответственность за качество, законность, эффективность следствия.

В силу этого возникает вопрос об установлении такого порядка, чтобы жалобы на наиболее важные, ответственные действия следователя, прежде всего — на применение им такой меры пресечения, как заключение под стражу, в удовлетворении которых прокурор, осуществляющий надзор за расследованием дела, отказал, подавались не вышестоящему прокурору, а в соответствующий суд.

Естественно, что введение такого порядка обжалования действий

следователя связано с большими трудностями, едва ли не главной из которых является то, что судья, рассмотревший жалобу, не сможет участвовать в разрешении данного дела после передачи его в суд. Но подобные трудности, как мы полагаем, надо все же преодолеть. К тому же они носят большей частью организационный характер.

В ст. ст. 19 и 58 УПК РСФСР в декларативной форме закреплена обязанность обеспечения возможности обжалования защитником постановления следователя об отклонении ходатайства прокурору. На практике эта возможность очень затруднена, ибо не установлен срок на подачу такой жалобы, в течение которого уголовное дело не могло бы быть передано в суд. В уголовно-процессуальных кодексах всех союзных республик желательно ввести нормы, предусматривающие срок, в течение которого следователь обязан разрешить заявленное ходатайство и о принятом решении сообщить заявителю. Пока же срок (от 24 часов до 3 суток) рассмотрения следователем заявленных ходатайств предусмотрен в УПК КазССР (ст. 99), ТуркмССР (ст. 147), УзССР (ст. 115) и КиргССР (ст. 117).

Внимательное отношение к доводам защитника, предоставление ему реальной возможности обжаловать действия и решения следователя способствуют и повышению качества прокурорского надзора за предварительным следствием, предотвращению направления в суд некачественно расследованных уголовных дел.

Таким образом, реализация предоставленного обвиняемому конституционного права на защиту обеспечивается на предварительном следствии достаточно широким спектром процессуальных средств, предусмотренных законом. Реализация их во многом зависит от профессиональных качеств, добросовестности и активности адвокатов. Вместе с тем очень важное значение имело бы положительное решение в законе вопроса о допуске защитника с момента предъявления обвинения и расширение предусмотренных УПК случаев обязательного участия защитника на предварительном следствии.

Л. И. АСТАНОВА

СВИДЕТЕЛЬ И ЕГО РОЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик гласит «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Среди перечисленных источников доказательств самыми распространенными являются показания свидетелей. Без них, как правило, не обходятся ни предварительное следствие, ни судебное разбирательство. Следует подчеркнуть, что свидетельские показания служат важным основанием при постановлении приговоров и учитываются, в совокупности со всеми доказательствами по делу, в судах кассационной и надзорной инстанции.

Все это превращает проблему свидетельских показаний в одну из главнейших в теории доказательств. С нею связаны как совершен-

ствование системы гарантий достоверности и полноты показаний свидетеля, так и обеспечение защиты прав личности свидетеля как участника уголовного судопроизводства.

Между тем раздел второй Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик причисляет к участникам процесса лишь обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Данный перечень весьма условный и неполный, ибо он определяет правовое положение либо тех участников, интересы которых непосредственно затрагиваются уголовным судопроизводством, либо тех, которые представляют интересы других участников процесса. Поэтому и в литературе довольно широко высказывается мнение о том, что участники процесса — это лишь те лица, которые защищают в уголовном деле либо свои права и законные интересы, либо права и интересы представляемого лица и в связи с этим наделены комплексом прав, позволяющих им активно участвовать в производстве по делу. Совершенно очевидно, что свидетель под это определение не подходит, а потому его правовое положение в Основах не отражено.

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик дают более широкий круг участников уголовного процесса.

Так, УПК УзССР причисляет к ним судей, народных заседателей (ст. 28), судебного секретаря (ст. 34), подозреваемого (ст. 40¹). В УПК РСФСР в числе участников процесса назван переводчик (ст. 57). Однако свидетель не указан ни в одном УПК союзной республики.

Информированность граждан об обстоятельствах дела, в силу которой они объективно могут стать свидетелями, нередко обусловлена их связью (родственной, служебной, бытовой) с обвиняемым, потерпевшим и другими участниками процесса. Поэтому полная незаинтересованность свидетеля в исходе дела отнюдь не всегда имеет место. Свидетелю довольно трудно давать правдивые, но неблагоприятные показания относительно лица, с которым он тесно связан. Нередко ему в результате дачи показаний приходится менять службу, место жительства, у части из них безнадежно портятся отношения в семье и на работе и даже возникает угроза самой жизни. На наш взгляд, необходимо разработать и последовательно осуществлять на практике целый комплекс мер по обеспечению реальной, надежной правовой защиты свидетелей.

Лицо, вызванное на допрос, обретает с этого момента соответствующие процессуальные права и обязанности и вступает в определенные процессуальные отношения, становится их участником, следовательно, и участником судопроизводства. Поэтому мы считаем ошибочным утверждение о том, что свидетель, хотя и привлекается к участию в деле, но «не является участником процесса»¹, а также то, что свидетели являются «субъектами отдельных уголовно-процессуальных правоотношений, но не субъектами процесса, не его участниками»².

Но ведь то же самое можно было бы сказать и о ряде других участников процесса, в частности о потерпевшем, чье процессуальное положение более всего сходно с процессуальным положением свидетеля. Ведь потерпевший — также субъект только отдельных уголовно-процессуальных правоотношений.

Не случайно в ст. 262 УПК РСФСР (ч. 6 ст. 239 УПК УзССР) записано: «Участники процесса, а равно все присутствующие в зале судебного заседания граждане, должны беспрекословно подчиняться распоряжениям председательствующего о соблюдении установленного

¹ См.: Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968. С. 83.

² См.: Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 41.

распорядка судебного заседания». Бесспорно, что в данном случае закон относит к участникам процесса и свидетеля.

В уголовно-процессуальной теории методологической основой правильного решения вопроса об участниках судопроизводства должно быть соотношение категорий общего, частного и особенного. Процессуальные права и обязанности тех или иных лиц, их способность вступать в процессуальные правоотношения и осуществлять процессуальную деятельность являются тем общим признаком, который позволяет объединить их в понятие «участники процесса». Вместе с тем неодинаковый объем их процессуальных прав и обязанностей, различное назначение в процессе позволяют осуществить классификацию участников процесса, уяснить их общие и особенные свойства³.

Закон в самой общей форме дает определение понятия «свидетель». Им может оказаться любой человек. В ст. 53 УПК УзССР по этому поводу говорится, что в качестве свидетеля вызывается любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства уголовного дела. Такая формулировка содержится почти во всех УПК союзных республик. УПК же КазССР в п. 14 ст. 21 разъясняет, что свидетель — «всякое лицо, которое может дать показания об известных ему обстоятельствах по уголовному делу».

Сравнительный анализ норм УПК союзных республик показывает, что законодатель считает свидетелем лицо, которому известны обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, а также данные, относящиеся к характеристике обвиняемого, потерпевшего или других участников процесса.

Любые сведения, сообщаемые свидетелем, оцениваются объективно в совокупности с другими доказательствами; показания свидетелей не имеют заранее установленной силы.

В подавляющем большинстве случаев в качестве свидетелей допрашиваются очевидцы преступления. Вместе с тем в роли свидетелей довольно часто выступают родственники, друзья, сослуживцы обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего. Характерно, что в нашей стране законодатель не предусматривает никаких ограничений в порядке допроса в качестве свидетеля близких родственников обвиняемого, как это сделано в законодательстве ряда иных стран, в том числе социалистических.

Кроме перечисленных лиц, в качестве свидетелей могут быть допрошены:

а) понятые — в отношении обстоятельств, связанных с проведением следственных действий и протоколированием их хода и результатов;

б) специалисты — в отношении обстоятельств следственных действий, проводимых с их участием, и по поводу специальных знаний, которыми они обладают;

в) лица, участвовавшие в задержании гражданина, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в том числе оперативные сотрудники органов внутренних дел и государственной безопасности, а также граждане и представители общественности — по поводу обстоятельств задержания и доставления задержанного;

г) должностные лица и представители общественности, проводящие проверочные действия, — по поводу представленных материалов или в связи с представлением материалов, имеющих доказательственное значение⁴.

Иногда возникает необходимость в получении свидетельских пока-

³ См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 133.

⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 571—572.

заний от следователя, прокурора, судьи, принимавших участие в производстве по делу, например для выяснения обстоятельств утраты доказательств. Однако в таких случаях означенные лица должны быть отстранены от дальнейшего расследования дела.

Согласно УПК РСФСР (ст. 72), свидетельствовать по делу могут также законные представители обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего.

Иностранцы граждане, находящиеся на территории СССР и не пользующиеся правом экстерриториальности, допрашиваются в качестве свидетелей на общих основаниях. Исключение составляют лишь иностранные граждане, обладающие правом дипломатической неприкосновенности. Они допрашиваются только по их просьбе либо с их согласия, получаемого через Министерство иностранных дел СССР или союзной республики.

На практике нередки случаи, когда следователь обязан вызвать и допросить для проверки показаний в качестве свидетеля лицо, которое, по словам обвиняемого, может подтвердить доводы последнего.

Хотя процессуальный статус таких участников процесса законодателем не определен, их допрашивают по правилам допроса свидетелей.

Уголовно-процессуальный закон не регулирует порядок допроса гражданских ответчиков. Надо полагать, что если ими являются граждане, знающие какие-либо важные обстоятельства по делу, они также могут быть допрошены в качестве свидетелей.

Закон не устанавливает также особых правил допроса свидетелей по поводу сведений, являющихся государственной тайной. Представляется правильным, что дача таких показаний возможна по согласованию с руководителем соответствующего учреждения (аналогично порядку, установленному для выемки документов, являющихся государственной тайной)⁵.

На практике нередко в качестве свидетелей в отношении соучастников, привлекаемых к уголовной ответственности, допрашиваются лица, дела которых переданы на рассмотрение общественности (комиссии по делам несовершеннолетних, товарищеского суда и т. д.); обвиняемые в отношении других обвиняемых, дело о которых после предъявления обвинения выделено в отдельное производство; лица, отбывшие наказание по делам, приговоры по которым в отношении соучастников отменены в надзорном порядке.

Чтобы обеспечить указанным обвиняемым конституционное право на защиту от предъявленного обвинения, законодатель устанавливает особый порядок их допроса в качестве свидетелей. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в своем определении от 16 октября 1978 г. по делу Б. и Г. специально подчеркнула, что осужденные допрашиваются в отношении соучастников, дело о которых выделено, по правилам допроса свидетеля, но нести уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний они не могут⁶.

Закон не ограничивает возраста свидетелей. По смыслу закона, в качестве свидетелей могут допрашиваться все лица, которые правильно воспринимают окружающую их действительность и способны правильно передавать в своих показаниях все, что они видели или слышали. Очевидно, что свидетелями по делу могут быть и престарелые лица. В случае, когда возникают сомнения в их способности давать правильные показания, назначается экспертиза.

Практика знает также случаи допроса малолетних детей. Так, нет

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1979. № 4. С. 8—9.

⁶ См. там же,

запрета на допрос ребенка для изобличения отца или матери либо постороннего лица. Однако такие следственные действия, как правило, не приносят желаемого результата, ибо полученная в ходе их информация весьма сомнительна. Она может быть не лишена вымысла и вряд ли в достаточной мере объективна. Кроме того, на наш взгляд, подобный допрос не оправдан прежде всего в нравственном отношении.

А теперь вкратце остановимся на лицах, которые в силу тех или иных причин свидетелями быть не могут.

Ст. 158 Конституции СССР гарантирует обвиняемому право на защиту при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела. Это право, наряду с другими, закреплено и ст. 41 УПК УзССР.

Реализуя право обвиняемого на защиту, адвокат может иметь неограниченное количество свиданий с обвиняемым, во время которых он узнает от него о многих обстоятельствах совершения преступления и других фактах, имеющих значение по делу.

Допрос защитника в качестве свидетеля по данным обстоятельствам и фактам привел бы к грубому нарушению положения ст. 158 Конституции СССР. Кроме того, он подорвал бы авторитет защитника, превратив его в глазах обвиняемого в свидетеля обвинения.

Поэтому по тем обстоятельствам, которые стали ему известны в ходе выполнения своих обязанностей, защитник из числа свидетелей исключается. Это служит одной из гарантий беспрепятственного осуществления последним возложенных на него функций, требующих доверительных отношений между адвокатом и его подзащитным.

Что же касается сведений, почерпнутых защитником из источников, не связанных с осуществляемой им защитой, то он может быть допрошен, как и любое другое лицо, однако в подобном случае, на наш взгляд, защитнику следует уклониться от своих обязанностей по данному делу, хотя в законе на этот счет нет прямого указания.

Если же защитнику во время исполнения им своих обязанностей становится известным о готовящемся или совершенном государственном преступлении — шпионаже, измене Родине и т. п., он немедленно должен сообщить об этом органам расследования, также устранившись от дальнейшего исполнения своих функций.

Показания свидетелей формируются в результате личного восприятия человеком тех или иных явлений или фактов, которые интересуют органы расследования и суд. Последним «для установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих, а ... проверять факты и документы, ... разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания»⁷.

Свидетель может сообщить сведения и о тех фактах, которые он лично не наблюдал, но знает о них из других источников, при условии, если он может их указать (ст. 53 УПК УзССР). В противном случае его информация теряет доказательственное значение. Подобные сведения следователь может использовать лишь для выделения версий и т. п.

«Бесспорно, что при прочих равных условиях первичные доказательства (например, показания очевидца) более надежны, более защищены от искажения, чем производные доказательства, например показания со слов. Однако это положение не является правильным во всех случаях. Нередко приходится обращаться к производным доказательствам ввиду невозможности использовать первоначальные доказательства (например, потерпевший умер от ран, но до этого успел сказать окружающим, кто на него напал). Практика сталкивается и с такими ситуациями, когда очевидец уклоняется от дачи

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123—124.

правильных показаний в суде, хотя раньше рассказывал о происшедшем...»⁸

В советском уголовном процессе производные доказательства широко используются для восполнения пробелов в первоначальных доказательствах, а также для их проверки.

Следует сказать, что физические и даже психические недостатки не всегда и не во всем служат препятствием к получению от конкретного лица сведений, правильно отражающих действительность.

Что касается людей, страдающих психическими расстройствами, то способность их к восприятию и воспроизведению зависит от состояния в тот или иной конкретный момент. Следственная и судебная практика знает немало случаев, когда больные люди правильно воспринимали действительность и сообщали необходимые данные.

В случаях же, когда возникают сомнения в психической полноценности свидетеля, обязательно назначается экспертиза, что соответствует ст. 65 УПК УзССР. Эксперт дает заключение о принципиальной возможности испытуемого по своему психическому или физическому состоянию правильно воспринимать определенные факты и давать о них правильные показания, но он не правомочен решать вопрос о правильности (соответствии действительности) самих показаний. Оценка показаний с точки зрения их истинности и достоверности производится только органом, ведущим судопроизводство.

На способность давать показания влияют и обстановка, в которой они даются, и способы их получения. Так, психически неполноценный свидетель вполне может давать показания в кабинете следователя, однако в суде, где сама обстановка, связанная с присутствием других участвующих в деле лиц, публики, вызывает у него волнение, растерянность и т. п., он их дать не в состоянии. В таких случаях считается возможным провести допрос в закрытом судебном заседании. Однако, на наш взгляд, в указанных ситуациях экспертам-психиатрам и суду следует признать подобного свидетеля неспособным давать правильные показания.

Суммируя все изложенное выше, можно сказать, что свидетель — это лицо, которому, по предположению следователя или суда, должны быть известны обстоятельства, относящиеся к делу, и которое способно по своему психическому и физическому состоянию правильно воспринимать явления и давать о них показания.

Органы расследования, прокурор и суд при осуществлении своих полномочий должны разъяснить свидетелю, как и другим участвующим в деле лицам, их права и обязанности, а равно обеспечить реальную возможность их осуществления. Таковы требования ст. 27 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 47 УПК УзССР. Подобный подход полностью соответствует также смыслу постановления ЦК КПСС от 20 ноября 1986 г. «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан».

Недооценка роли свидетеля в уголовном деле, пренебрежение его правами и интересами представляет собой грубое нарушение социалистической законности.

⁸ См.: Ларин А. М. Обязанность доказывания и проблема допустимости доказательств, в частности показаний свидетелей // СССР—Англия: Юстиция и сравнительное правоведение (материалы советско-английского симпозиума). М., 1986. С. 167.

СИСТЕМНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Вопрос о соотношении диалектики, логики и теории познания занимает одно из важнейших ключевых мест в структуре марксистско-ленинской философии. В ней трудно найти проблему, которая не была бы в той или иной степени связана или не решалась бы на основе принципа единства диалектики, логики и теории познания. По справедливой оценке П. В. Копнина, эта проблема «носит не частный, а всеобщий характер, она существенно важна в решении не какой-то одной, а любой проблемы марксистской философии»¹.

По различным аспектам соотношения диалектики, логики и теории познания в нашей философской литературе прошла не одна дискуссия. Наиболее ожесточенной и продолжительной была дискуссия 20—конца 30-х годов о соотношении диалектики и формальной логики. Любой из многочисленных оттенков этой, как и любой последующей, дискуссии (соотношение онтологии и гносеологии, сущность диалектической логики и др.) затрагивает суть проблемы соотношения диалектики, логики и гносеологии, а тем самым и всего комплекса связанных с ними проблем: предмета и специфики философского знания, структуры и функций философии, ее связи с естествознанием и др. Здесь мы попытаемся высказать и обосновать наше понимание принципа единства диалектики, логики и теории познания.

В качестве предварительного замечания необходимо указать, что сама постановка вопроса о единстве диалектики, логики и теории познания и своеобразное понимание каждой из них (диалектики, логики и теории познания) существенно отличает марксистскую философию от всего предшествующего материализма. Действительно, хотя в домарксистской философии материализм с древнейших времен и прорабатывал проблемы гносеологии, логики и онтологии, но понимались они искаженно, неверно. Гносеология (речь, разумеется, не идет о ее крайне идеалистическом выражении — «гносеологизме» в понимании Канта и кантианцев) носила на себе печать призрака зеркала: признавалось пассивное, зеркальное отражение мира, т. е. на саму теорию познания не была распространена, да и не могла быть распространена диалектика. Под логикой в качестве единственной возможности понималась формальная, традиционная, берущая начало от Аристотеля логика, нашедшая свое полное воплощение в классической науке и связанном с этим метафизическом материализме и т. д.

Рассматривая кратко различные подходы к пониманию соотношения диалектики, логики и теории познания в нашей литературе и приводя наше представление о нем, мы постараемся в общих чертах выявить ядро, методологическое основание этого принципа.

В нашей литературе можно считать преодоленной ограниченность представлений 20—30-х годов, когда резко противопоставлялись логика и диалектика. Редкое исключение составляет точка зрения В. И. Черкесова, продолжающего отстаивать тот взгляд, что формальная логика «была и остается теорией метафизического способа мышления и познания, который Ф. Энгельс называл метафизическим»². Опираясь на довод «как же быть с высказыванием В. И. Ленина о совпадении, тождестве диалектики, логики и теории познания», В. И. Черкесов доказывает, что диалектика, логика и теория познания «совпадают друг с другом, представляют собой одно и то же. Это только разные

¹ Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 40.

² См.: Проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1968. С. 163, 168.

названия одной и той же науки», т. е. разница между ними — лишь терминологическая³.

В конце 50-х годов В. П. Рожин⁴ и М. Н. Руткевич⁵ выдвинули идею совпадения диалектики, логики и теории познания в русле отношения «состоит»:

- 1) диалектика — единая философская наука;
- 2) теория познания — составная часть диалектики;
- 3) диалектическая логика — составная часть теории познания.

Эта точка зрения подверглась критике со стороны П. В. Копнина⁶ и Б. М. Кедрова⁷ за сведение тождества к механическому пониманию. К ним же примыкают М. М. Розенталь, И. Д. Андреев, З. М. Оруджев и др. З. М. Оруджев указывает, например, что известное замечание Ленина («не надо 3-х слов...») зачастую понимают так, что диалектика, логика и теория познания есть синонимы. Но это не так. Они «являются различными формами одного и того же — диалектики, находящимися в различном структурном отношении друг с другом»⁸. По мнению автора, существуют объективная диалектика (диалектика) субъективная диалектика (диалектическая логика), которые «снимаются в высшем синтезе — в диалектике соотношения объективной диалектики с субъективной» — в теории познания (само это отношение — предмет теории познания).

Что это взаимоотношение — предмет теории познания, видно, по автору, из следующего четкого замечания Ленина. По поводу слов Г. В. Плеханова в его книге «Н. Г. Чернышевский»: «Юркевич утверждал также, что количественные различия превращаются в качественные не в самом предмете, а в отношении его к чувствующему субъекту. Но это очень грубая логическая ошибка» — В. И. Ленин на полях сделал четкую поправку: «не логическая, а гносеологическая» — подчеркнув в тексте «логическая»⁹.

В таком же плане рассматривает проблему и П. В. Копнин. Выступая против термина «единство» (ибо единство можно установить между любыми двумя «телами», скажем, между слоном и магнитом), он утверждает, что нужно говорить о тождестве диалектики, логики, и теории познания.

По мнению П. В. Копнина, «новизна ленинской постановки вопроса заключается именно в том, что существует одна философская наука — материалистическая диалектика, которая одновременно выполняет функции и онтологии, и гносеологии, не являясь в прежнем понимании ни тем, ни другим, ни третьим; нет трех самостоятельных частей в философии с различными законами, а есть одна наука, которую можно назвать как угодно: диалектикой, логикой и теорией познания (название предмета не влияет на его сущность) с одними законами, являющимися и законами бытия, и законами познания (мышления)»¹⁰.

Указывая на отношение между мышлением и действительностью как не укладывающееся в рамки классического случая тождества противоположностей (а не мертвого «тождества», не простого «одно и то же»), П. В. Копнин пишет: «... Диалектические категории предстают одновременно и как формы перехода (превращения) действительности

³ Черкесов В. И. Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М., 1962. С. 9.

⁴ Рожин В. П. Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. Л., 1957.

⁵ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1959.

⁶ Копнин П. В. Диалектика как логика. Киев, 1961.

⁷ Кедров Б. М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1961.

⁸ Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973. С. 85.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 544—545.

¹⁰ Копнин П. В. Диалектика как логика. С. 35.

в мышление, в форму знания (т. е. как ступеньки познания, отражения мира в сознании), и как ступеньки превращения знания в действительность, как ступеньки практической реализации и проверки знания практикой. В силу этого диалектика, или диалектическая логика, выступает непосредственно и как теория познания (гносеология)¹¹. И наконец: «Формы и законы мышления, изучаемые диалектикой как логикой, суть не что иное, как формы и закономерности движения предметного мира, вовлеченного в совокупный процесс труда и вошедшего в сферу человеческой деятельности»¹².

По мнению А. В. Вострикова, из ленинской идеи о том, что в теории познания следует рассуждать диалектически («как из незнания является знание...»), вытекает понимание диалектики как логики и теории познания. «Логика,— пишет он,— по необходимости должна рассматривать мышление и его формы — понятия, категории — диалектически, т. е. должна быть диалектической логикой, и в этом смысле совпадать с диалектикой»¹³. На наш взгляд, эта точка зрения неполна. Исследование познания на основе диалектики не есть прерогатива одной лишь диалектической логики (эту задачу с достаточным успехом выполняют и другие науки, связанные с изучением различных сторон, аспектов теории познания,— кибернетика, формальная логика, эвристика и др.).

По мнению В. И. Столярова, «в диалектике (как науке о всеобщих законах бытия) выясняются определенные особенности изучаемых объектов, которые оказывают существенное воздействие на характер познавательной деятельности, на ее результаты и которые поэтому должны учитываться при исследовании познания. Исходя из этого, вполне логично предположить, что задача диалектики при исследовании познания должна состоять в рассмотрении таких особенностей (закономерностей) познания, мыслительного процесса, которые обусловлены характером (природой) изучаемого объекта»¹⁴.

Заметим по поводу этой «гипотезы» автора, что она в той или иной форме уже была высказана задолго до 1975 г. и хорошо укладывается в рамки идеи о тождестве бытия и мышления (единстве бытия и мышления). В частности, в таком же плане высказывался М. М. Розенталь в конце 60-х годов. Он писал, что в «Философских тетрадах» В. И. Ленин «исследует различные аспекты марксистской диалектики, ее структуру и систему. Но основная идея — та же (что и в «Материализме и эмпириокритицизме». — Н. О.): идея единства бытия и познания, единства, заключающегося в диалектической природе объективного мира и его отражения в человеческом сознании. Именно в этом единстве состоит суть знаменитого ленинского положения о том, что диалектика, логика и теория познания — одно и то же. Это положение означает, что отражение действительности в сознании человека может быть лишь тогда верным, если оно воспроизводится диалектически, если наши понятия столь же изменчивы и пластичны, как и сами явления, если в них, посредством их отражаются развитие и изменение явлений, противоречия реального мира, переход одних противоположностей в другие и т. д. И Ленин все время требует учитывать диалектику отражения»¹⁵. «Ленинский ответ на него,— поясняется далее эта же мысль,— (развивающий и в данном отношении взгляд Маркса и Энгельса) сводится к тому, что все эле-

¹¹ Колпин П. В. Диалектика как логика и теория познания. С. 76.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Востриков А. В. Теория познания диалектического материализма. М., 1965. С. 27.

¹⁴ Столяров В. И. Диалектика как логика и методология науки. М., 1975. С. 33.

¹⁵ Розенталь М. М. Ленинская диалектика сегодня. М., 1970. С. 16.

менты познающего мышления, процесс познания в целом и каждый его отдельный шаг...— подчинены диалектическим законам развития, и только в этой подчиненности они обладают той мощью, которая позволяет мышлению быть диалектическим аналогом, моделью диалектической действительности»¹⁶.

Единство диалектики, логики и теории познания, по мнению Б. М. Кедрова, означает, что «в марксистской философии любой вопрос, начиная с основного вопроса философии и кончая сугубо специальными — методологическими, гносеологическими и логическими, должен освещаться исходя из одновременного учета требований и диалектики, и материализма, и логики: при этом недопустимо ни в коем случае ограничиваться рамками лишь одной из перечисленных трех сторон, или моментов, единого марксистского философского учения»¹⁷. И далее: «...Признать единство диалектики, логики и теории познания материализма — значит признать, что для марксиста недопустимо даже пытаться ставить какие-либо философские вопросы либо как чисто методологические, отвлекаясь полностью от вопросов теории познания (от материализма), либо как чисто гносеологические, отвлекаясь полностью от вопросов метода познания (от диалектики), либо как чисто логические, отвлекаясь полностью и от теории познания материализма, и от диалектического метода, как это допускается в классической формальной логике»¹⁸.

Выделяя в нашей литературе три концепции в понимании единства диалектики, логики и теории познания, автор присоединяется к тем философам, которые «трактуют единство названных сторон марксистской философии как диалектическое единство, которое, во-первых, носит внутренний, органический, а не внешний, механический, эклектический характер, во-вторых, носит характер конкретного, а не абстрактного, абсолютного тождества, т. е. не исключает различия сторон, связанных этим их единством, этих их тождеством»¹⁹.

По мнению А. Х. Касымжанова, В. И. Ленин видит основу совпадения диалектики, логики и теории познания в совпадении понятия с объектом (что и может иметь место в целесообразной деятельности человека). «Поэтому такую высокую оценку Ленина в «Философских тетрадах» получает «Наука логики» Гегеля (и особенно ее третья часть — учения о понятиях): «Тождество субъективности (понятия) и объективности составляет идею», под которой понимается объективная, абсолютная истина. Идею Гегель отличает от представления, просто понятия (еще не реализовавшего себя в практике, если говорить материалистически). Высокая оценка Лениным раздела об идее объясняется тем, что здесь разворачивается и конкретно обосновывается совпадение диалектики, логики и теории познания, резюмируются основные черты диалектики как метода научно-теоретического познания»²⁰. «Диалектика,— указывает автор далее,— есть учение о выявляемой в ходе исторического развития знания одной единственной диалектики — объективной диалектики вещей, составляющей в то же время логику, внутреннее строение мышления. Поэтому диалектика не с одной стороны — логика, а с другой — теория познания, с третьей — онтология, а целиком, со всех сторон, есть учение о познании, о мышлении и его законах»²¹. В ленинском понимании единства диалектики.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Кедров Б. М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 6—7.

¹⁹ Там же. С. 20—21.

²⁰ Касымжанов А. Х. Как читать и изучать «Философские тетради» В. И. Ленина. М., 1968. С. 98—99.

²¹ Там же. С. 130.

логики и теории познания («не надо 3-х слов») речь, по мнению автора, идет «о содержательном анализе отношения бытия и мышления, законов реальности и законов познания, чем и определяется ленинское решение проблемы, которое вытекает как естественный вывод из всей истории философии»²².

Принцип единства диалектики, логики и теории познания проходит через все произведения талантливого советского философа Э. В. Ильенкова²³. Анализу различных аспектов этого принципа и его «проекции», произведенному Э. В. Ильенковым, может быть посвящено достаточно емкое и серьезное исследование²⁴. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми типичными высказываниями философа, показывающими его отношение к данной теме. Специфика марксистской диалектики заключается, по нему, «в том, что эта диалектика — материалистическая. А это значит, что всеобщие законы понимаются ею как отраженные научным познанием — и проверенные тысячелетиями человеческой практики — всеобщие законы природы и истории. В том-то и все дело, в этом-то и специфическое отличие марксистской диалектики от гегелевской и всякой иной»²⁵.

Достаточно четко точка зрения автора реализована в работе «Диалектическая логика». «Согласно Ленину, — пишет он, — логика и теория познания ни в коем случае не две разные науки. Еще менее логику можно определить как часть теории познания. Поэтому в состав логических определений мышления и входят исключительно всеобщие, познанные в ходе тысячелетнего развития научной культуры и проверенные на объективность в горниле общественно-человеческой практики категории и законы (схемы) развития объективного мира вообще, схемы, общие и естественно-природному, и общественно-историческому развитию. Будучи отражены в общественном сознании, в духовной культуре человечества, они и выступают в роли активных логических форм работы мышления, а логика представляет собой систематически-теоретическое изображение универсальных схем, форм и законов развития и природы, и общества, и самого мышления»²⁶. И далее: «Так что логика (теория познания) и диалектика находятся, по Ленину, в отношении полного тождества, полного совпадения по предмету и по составу категорий. У диалектики нет предмета, отличного от предмета теории познания (логики), так же как у логики (теории познания) нет объекта изучения, который отличался бы от предмета диалектики. И там и тут идет речь о всеобщих, универсальных формах и законах развития вообще, отражаемых в сознании именно в виде логических форм и законов мышления через определения, категории»²⁷.

В. И. Шинкарук выявляет суть подхода Б. М. Кедрова и др. к данной проблеме и показывает, что в итоге он совпадает с точкой зрения В. Р. Рожина и М. Н. Руткевича, так как «последовательное проведение установок на рассмотрение диалектической логики и теории познания диалектического материализма только лишь как «аспектов»,

²² Там же. С. 131.

²³ См.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; Его же. Об идолах и идеалах. М., 1968; Его же. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974; Его же. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980; и др.

²⁴ То же самое можно сказать и о работах других советских исследователей: Б. М. Кедрова, П. В. Копнина, Э. М. Оруджева, М. М. Розенталя, В. И. Шинкарука и др.

²⁵ Ильенков Э. В. Диалектика и мировоззрение // Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания. Алма-Ата, 1977. С. 178.

²⁶ Там же. С. 226—227.

²⁷ Там же. С. 227.

«сторон» диалектики как науки ведет к самоотрицанию этих установок — к выведению диалектической логики и теории познания диалектического материализма как некоторых частей диалектики, где проблема их соотношения приобретает иной характер. Действительно, если, например, диалектическая логика изучает законы в своем, логическом аспекте, а теория познания — в своем, отличном от логического, гносеологическом аспекте, то, изучая их в своем аспекте, в плане решения своих вопросов, «со своей стороны», каждая из них должна образовывать свою теорию, отображающую объект в ее аспекте, с ее стороны. Но если какая-либо теория, наряду с другими теориями, входит в одну науку, то она, несомненно, является частью этой науки»²⁸.

Точку зрения П. В. Копнина, Б. М. Кедрова, М. М. Розенталя и др. можно, следовательно, выразить (в первом приближении) так: в соотношении диалектики, логики и теории познания необходимо признать такое тождество, которое предполагает и различие («сторон», «аспектов»).

Если учесть различные «нюансы», «акценты», своеобразие и, наконец, различия в интерпретации конкретных аспектов проблемы соотношения диалектики, логики и теории познания различными авторами, то классификацию подходов надо было бы заметно расширить. Различные подходы к вопросу о единстве диалектики, логики и теории познания можно сгруппировать, например, и по принципу — что считать основным, главным из трех компонентов: диалектику, логику или теорию познания, т. е. в поле зрения какой из этих компонент рассматривать работу двух остальных. Как видно, подходов здесь три: через диалектику (Б. М. Кедров, З. М. Оруджев и др.), через теорию познания (К. Х. Касымжанов и др.) и через диалектическую логику (Г. Г. Габриэлян). Г. Г. Габриэлян, например, утверждает, что «марксистская логика начинается с познания материи, переходит к познанию основных форм ее бытия и завершается изложением форм и законов познания»²⁹.

Основной недостаток приведенных выше интерпретаций — это перебор различных вариантов чтения ленинской идеи: «не надо 3-х слов» — лишь в одном плане рассмотрения — в узких рамках подхода «состоит», «соотносится». А между тем исследование в первую очередь «Философских тетрадей» В. И. Ленина и произведений К. Маркса и Ф. Энгельса настоятельно требует выхода из жестких рамок этого подхода в более широкую область анализа всего философского наследия классиков марксизма-ленинизма и главным образом — того нового и ценного, что составляет сущность революционного переворота, совершенного марксизмом в философии. То есть рассмотрение должно носить многоплановый характер.

В этой связи обращает на себя внимание подход М. А. Булатова, который предлагает рассматривать проблему взаимоотношения диалектики, логики и теории познания в двух планах: структурном (где они различаются, нетождественны) и методологическом (по отношению к конкретным наукам), где они совпадают³⁰. Этот в целом интегральный подход создает впечатление некоторой искусственности, так как автор неверно ограничивает поле работы категории «практика» рамками лишь исторического материализма: «Диалектический материализм не исчерпывает всего содержания марксистской философской

²⁸ Шинкарук В. И. Единство диалектики, логики и теории познания. Киев, 1977. С. 8—9.

²⁹ См.: Марксистская логика как диалектика и теория познания. Ереван, 1963. С. 430.

³⁰ Булатов М. А. Ленинский анализ немецкой классической философии. Киев, 1974; Его же. Деятельность и структура философского знания, Киев, 1976.

науки. Чтобы выявить его связь с историческим материализмом, необходимо обратиться к категории (принципу) практики... Возникает вопрос, где, в какой части марксистской философии практика исследуется как основание всей жизнедеятельности человека, а не только как сторона познания? Философией практической деятельности, теорией практики является, на наш взгляд, исторический материализм»³¹.

В диалектическом материализме практика, предметно-практическая деятельность, очевидно, не есть «только... сторона познания», а составляет основу для формирования и развития сознания и тем самым «основание всей жизнедеятельности человека», в том числе и такой формы деятельности, как теоретическая (важнейшим организующим моментом которой и выступает диалектическая логика). Неверное понимание места и роли практики в структуре философского знания фактически снимает в общем и целом многообещающую постановку автором вопроса о взаимоотношении диалектики, логики и теории познания.

На наш взгляд, в понимании их соотношения в полном объеме, во всех его «проекциях» необходимо пользоваться более широким (нежели рассмотренный структурный), целостным, системным подходом, учитывающим наиболее важные аспекты, стороны этого соотношения: 1) генетический, 2) внутренний, 3) внешний (методологический), 4) мировоззренческий и 5) социологический.

Генетический аспект отражает эволюцию исторических форм соотношения диалектики, логики и теории познания. В широком историко-философском плане можно указать на три формы. Начиная выделяться после Аристотеля в самостоятельные области знания, логика, онтология и гносеология имели, конечно, вполне определенное соприкосновение, связь между собою. Взаимно дополняя друг друга, они выступают как «части» единой философской науки (это первая историческая форма их соотношения, назовем ее «дополнительной» формой). Конкретный механизм отношения этих «частей» и сущность каждой из них понимались каждым философом по-своему, и в зависимости от исторических условий он на основе этого понимания строил критерии научности, рациональности.

Специфика диалектики, логики и теории познания было осознана лишь к началу XVIII в. На основе главным образом содержательного их единства строится второй этап в их соотношении, исторически наметившийся в немецкой классической философии (совпадение, тождество в некоторых отношениях: при разнообразии форм, например, и в диалектике, и в логике, и в теории познания мы имеем тождество противоположностей).

Третья историческая форма их соотношения реализована в философии марксизма.

Внутренний аспект соотношения диалектики, логики и теории познания имеет две стороны: предметную и структурную. Как структурно, так и по предмету диалектика, логика и теория познания не тождественны, различаются между собою.

Внешний, методологический аспект проявляется по отношению к конкретным общественным и естественным наукам, в методологической роли диалектики, логики и гносеологии в анализе успехов, структуры, перспектив развития конкретнонаучного знания. В плане этой роли диалектика, логика и теория познания едины, совпадают между собой (тождественны).

В связи с выделением внутреннего и внешнего аспекта необходимо лишь указать, что при этом речь идет о различной акцентировке, выдвигании на «передний» край различных проекций диалектики,

³¹ Булатов М. А. Деятельность и структура философского знания. С. 38.

логики и гноссологии. Если в методологическом аспекте они работают в содержательном плане, с точки зрения их основного содержания, то в плане внутреннего аспекта в центре внимания оказывается сторона формальная. Анализ достижений современной науки показывает, что крайний скептицизм может в наши дни «распрощаться» с пресловутой «спецификой» мышления. В процессе познания мы пользуемся такими понятиями, конструктами, принципами, которым в реальном мире ничего не соответствует. Мышление лишь в итоге, в генезисе, в тенденции совпадает с бытием, и говорить о полном тождестве бытия и мышления в диалектическом материализме — значит реставрировать гегелевский тезис, неоднократно раскритикованный классиками марксизма и «снятый» ими в процессе создания марксистской философии. Сторонники проводимой точки зрения (Э. Ильенков, Г. Батищев, Л. Науменко, Г. Югай и др.) считают, что «все специфические определения мышления оказываются специфическими определениями предмета»³².

Некоторые исследователи (Б. Кедров, П. Копнин, М. Мамардашвили, И. Нарский, В. Столяров, В. Тюттин и др.) справедливо указывают, что «в познании есть такие связи, отношения, которые свойственны только ему и отсутствуют в действительности»³³. Как правильно отмечает М. Мамардашвили, Гегель «не смог правильно использовать принцип содержательного рассмотрения в качестве средства решения задачи исследования форм мышления, и прежде всего потому, что отождествил субъективные логические связи деятельности со связями реальными, объективными (и, следовательно, не дал понятия ни тех, ни других)... Гегель вообще не признает общей зависимости мышления от предметов и обрывает всякую связь мысленного содержания с ними. Но Гегель делает и дальнейший шаг, отождествляя изображаемое научным знанием движение предмета и движение научной мысли, этот предмет изображающей»³⁴.

Точка зрения о тождестве «форм и законов познающего мышления с формами и законами объективной реальности»³⁵, отрицающая на этой основе «специфику» мышления или диалектической логики (как исследующей «приемы» мысли, нетождественные всеобщим формам бытия), сталкивается, как это справедливо подчеркивают оппоненты, со многими неразрешимыми трудностями. При принятии этой точки зрения мы будем вынуждены, например: а) отождествлять форму с содержанием, б) отрицать специфику социальной диалектики, в) отрицать специфику познавательного процесса (связанную с активностью субъекта, проходящую через субъект-объектные отношения — как это не раз подчеркивали классики марксизма-ленинизма), г) становиться на упрощенную объективистскую (хотя и материалистическую) точку зрения о тождестве бытия и мышления и др.³⁶

Мировоззренческий аспект соотношения диалектики, логики и теории познания чаще всего возлагает на каждую из них функцию построения обобщающей картины, модели «мира в целом». Оговоримся прежде всего, что философия сама по себе, вне конкретно-научного знания не в состоянии построить эту картину: это, строго говоря, компетенция всех конкретных наук, всего положительного знания. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Если схематику мира

³² Науменко Л. К., Югай Г. А. «Капитал» Маркса и методология научного исследования. М., 1968. С. 11.

³³ Диалектика и логика научного познания. М., 1966. С. 41.

³⁴ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968. С. 127, 129.

³⁵ Науменко Л. К., Югай Г. А. Указ. соч. С. 17.

³⁶ Подробнее см.: Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. М., 1979.

выводить из действительного мира, если принципы бытия выводить из того, что есть,— до для этого нам нужна не философия, а положительные знания о мире и о том, что в нем происходит, то, что получается в результате такой работы, также не есть философия, а положительная наука»³⁷.

Конкретность, историчность, диалектичность природы, общества, их познания, а также познавательных форм вносят весомую лепту в мировоззрение, в принцип партийности в философии. По мнению С. Б. Крымского, проблема совпадения диалектики, логики и теории познания не только несет «методологическую или дидактическую нагрузку, а выступает прежде всего как существенная идейная установка материалистической партийности в марксистской философии»³⁸.

Мировоззренческий аспект соотношения диалектики, логики и теории познания связан с полным тождеством онтологии, логики и гносеологии.

Социологический аспект требует учета наличных классово-экономических отношений, производства, уровня развития производительных сил и др. в становлении и степени разработанности диалектики, логики и теории познания. «Все приобретенные нами знания,— говорил Ф. Энгельс,— по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретали»³⁹. Само существование материалистической диалектики невозможно вне признания активного характера познавательной деятельности человека, вне признания человека как творческого и социально-исторического существа. Теорию диалектики поэтому нельзя отрывать от творчески-преобразующей деятельности субъекта, от практического преобразования самого человеческого общества. Интересную мысль о связи эволюционного учения с практикой высказывает М. М. Камшилов: «Эволюционные представления в биологии отражали уровень развития производительных сил общества. Низкому уровню, экстенсивным формам ведения сельского хозяйства соответствовала идея постоянства органических форм, их независимости друг от друга. Когда побуждаемая потребностями роста товарной продукции возникла необходимость интенсификации сельского хозяйства, реальными единицами хозяйственной деятельности стали порода и сорт. Только тогда появилась теория эволюции видов»⁴⁰.

Системный подход, как видим, дает возможность достаточно четко расчлнить проекции соотношения диалектики, логики и теории познания, где диалектика, логика и теория познания различаются между собой («дополнительная» форма соотношения и внутренний аспект), от проекций, где они полностью совпадают, тождественны (методологический и мировоззренческий аспекты). К этим двум последним аспектам, вероятно, и относится знаменитый ленинский афоризм о логике «Капитала»: «Если Маркс не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»⁴¹.

В пределах рассматриваемого нами системного подхода к соотношению диалектики, логики и теории познания трудно выделить какие-то аспекты как «основные», «главные», а другие — как «неосновные», «неглавные», ибо они здесь образуют системное целое. Ме-

³⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 35.

³⁸ Крымський С. Б. Ідейне джерело творчого досвіду діалектико-матеріалістичної філософії//Філософська думка. 1976. № 6. С. 34.

³⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 302.

⁴⁰ Камшилов М. М. Эволюция биосферы. М., 1974. С. 5.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301.

тодологическим основанием такой целостности служит материалистический принцип диалектического тождества бытия и мышления. Нельзя в этом плане не согласиться с обобщающей мыслью Э. В. Ильенкова о том, что «принцип диалектического тождества мышления и бытия — своего рода пароль на право входа в научную философию, в пределы ее предмета. Тот, кто этого принципа не принимает, будет заниматься либо чистой «онтологией», либо чистой «логикой», либо попеременно и тем и другим, но никогда не найдет действительного входа в диалектику как логику, в теорию познания, в марксистско-ленинскую философию»⁴².

Поэтому исторически только с созданием марксистской философии стало возможно целостное, системное понимание соотношения диалектики, логики и теории познания.

В домарксовском материализме имело место четкое обособление онтологии (учения о бытии) от гносеологии (учения о познании) и логики. Преувеличение специфики познания и логического мышления и обособление их от онтологии в философии XVII—XVIII вв. было связано с метафизическим стилем мышления. Здесь отрицалась (или чрезмерно суживалась) возможность выражения в универсальных понятиях онтологии законов и особенностей гносеологии и логики. В силу этого законы и формы мысли выступали как нечто чуждое и внешнее природе содержания (первые носили искусственный характер). Несовпадение законов мысли с законами бытия выступало как само собой разумеющееся, вечное и неизменное.

Все это имело под собой реальное основание: а) неразвитость науки (например, в биологии не было еще возможности дать реальную дедукцию биологических видов и др.); б) наука, естествознание были оторваны от практических задач, потребностей и целей (следует огорчиться, что здесь речь идет лишь о «чистом» естествознании); в) сама философия еще не поняла и не оценила место и значение критерия практики в своей структуре (гносеологическая робинзонада — пассивность, созерцательность — главные черты всего домарковского материализма).

История науки имеет дело с действительным содержанием научного мышления, развивающегося в предпосылаемых ему логикой научки формах. Основные законы и тенденции развития науки, изучаемые логикой науки, определяются главным образом внешними причинами — процессом общественно-экономической деятельности людей. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Даже... «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей»⁴³.

По мнению Маркса (а также Энгельса и Ленина), вопросы теории, общие вопросы философии, оторванные от конкретно-исторической практики (т. е. без учета социального аспекта), вырождаются в вопросы схоластики. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или, недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»⁴⁴.

В заключение можно указать на то, что переосмысление сущ-

⁴² Ильенков Э. В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика — теория познания: Историко-философские очерки. М., 1964. С. 54.

⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 43.

⁴⁴ Там же. С. 1—2.

ности самой философии, разрешение старой философской проблемы о соотношении онтологии, гносеологии и логики связано с открытием и применением К. Марксом в «Капитале» диалектического метода к исследованию экономических отношений капитализма. Применительно к естественным наукам своего времени этот метод нашел блестящее подтверждение в философском наследии Ф. Энгельса и В. И. Ленина. По этому поводу В. И. Ленин указывал: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки (между Марксом и Энгельсом.— Н. О.),— тот центральный пункт, к которому сходится вся суть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»⁴⁵.

Эту характеристику всецело можно отнести и к самому Ленину, к развитию им различных аспектов теории диалектики как логики и теории познания марксизма применительно к новым условиям.

Для классиков марксизма был бесспорным тот факт, что законы бытия и общие законы человеческого мышления по существу тождественны, только различны по выражению. На последнее указывал Ленин: «Законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека»⁴⁶. Коль скоро это так, то логика не может не включать в себя вопрос об истине, а следовательно, логика совпадает с теорией познания.

Исключительно важны для нас замечания В. И. Ленина о том, что логика как стройная система категорий по своей сути выступает как обобщение истории мысли и это подробно и конкретно может быть прослежено на истории конкретных наук. В логике, по Ленину, история мысли в общем должна совпадать с законами мышления.

Теоретическое мышление подчинено тем же законам, что и развитие мира. Следовательно, диалектика выступает как подлинная теория познания. Поэтому ни «отдельной» диалектики, ни «отдельной» теории познания не существует. Диалектика по своей сути выступает одновременно и как учение о развитии вещей, и как учение о процессе их познания. В выявлении всего этого заключается сущность одной из наиболее фундаментальных сторон революционного переворота, совершенного марксизмом в философии.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 264.

⁴⁶ Там же. Т. 29. С. 165.

Политические портреты

Б. Х. ЭРГАШЕВ

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ, ПАРТИЙНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБДУКАДЫРА МУХИТДИНОВА**

На прошедшей летом 1988 г. встрече руководителей Узбекистана и Таджикистана особо подчеркивалась необходимость еще более тесной координации идеологической деятельности компартий двух братских республик, в частности в исследовании истории недавнего прошлого обоих народов¹. Эти же цели поставил перед учеными и принятый ранее «Договор о творческом сотрудничестве АН Узбекской ССР и АН Таджикской ССР на 1988—1995 годы»².

К числу требующих специального исследования страниц истории наших народов принадлежит революционная, партийная и государственная деятельность А. Мухитдинова. Как писала «Правда», имя этого человека принадлежит к числу незаслуженно забытых³.

Надо сказать, что первые положительные оценки деятельности А. Мухитдинова относятся еще к началу 70-х годов⁴. Однако сегодня исследователей уже не удовлетворяет одна лишь констатация факта активного участия этого человека в строительстве новой жизни и звучат призывы сделать эту тему объектом серьезного изучения. (Прикорбно, но факт: статьи об А. Мухитдинове нет ни в Узбекской, ни в Таджикской Советских Энциклопедиях).

Абдукадыр Мухитдинов родился в 1892 г. в Бухаре. Его отец — Мирза Мухитдин Мансуров — был в свое время одним из крупнейших бухарских торговцев. Последнее, однако, не помешало ему поддержать создание новометодных школ, выступить с прогрессивными в условиях Бухарского эмирата идеями⁵. После неудачи известного «колесовского похода» М. Мансуров, успевший к тому времени бежать в Краснодарск, был заочно приговорен эмирскими властями к смертной казни. А после победы народной революции он занимал посты члена Президиума Всебухарского ЦИКа Советов, назира торговли и промышленности, затем — полномочного представителя правительства БНСР в Москве.

Как полпред БНСР в Москве М. Мансуров подписывает «Союзный договор между РСФСР и БНСР» от 4 марта 1921 г. (в разработке проекта которого принимал участие лично В. И. Ленин)⁶. Известно

¹ Правда. 1988. 25 июня.

² Общественные науки в Узбекистане. 1988. № 3. С. 3.

³ Правда. 1986. 25 янв.

⁴ История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. М., 1971. С. 112; Узбекистон ССР тарихи. 3 т. Тошкент, 1971. 260 б.; Агзамходжаев А., Уразаев Ш. СССР — социалистическое государство советских народов. Ташкент, 1972. С. 164.

⁵ О специфичности бухарского джадидизма см.: Ходжаев Ф. О младобухарцах//Историк-марксист. 1926. № 1. С. 24; Вахабов М. Г. Файзулла Ходжаев//Революционеры, вожаки масс. Ташкент, 1967. С. 363; Эргашев Б. Х. О сущности и развитии антифеодальных взглядов младобухарцев//Общественные науки в Узбекистане. 1988. № 8. С. 59—62; и др.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 10. М., 1979. С. 190.

также, что В. В. Куйбышев, справедливо отмечая некоторые, на его взгляд, политические ошибки М. Мансурова (в вопросе о выводе частей Красной Армии из БНСР, об отношении к туркменской части населения и т. д.), в то же время называл его «наиболее умным государственным деятелем, противопоставляющим определенный план и систему общему хаосу и беспорядку»⁷.

По стопам М. Мансурова пошел и его сын. Как просветитель и критик общественных недостатков, Абдукадыр впервые проявил себя в цикле статей, опубликованных в 1910 г. оренбургской газетой «Вакт» (к этому времени Мухитдинов имел духовное образование и продолжал обучение в одном из учебных заведений Стамбула). По воспоминаниям С. Айни, статьи в «Вакт» «способствовали объединению бухарской молодежи и возбуждению общественного мнения»⁸.

В марте 1917 г. А. Мухитдинов избирается одним из руководителей организации младобухарцев, в рядах которой состоял, вероятно, с 1916 г.⁹

Как и его отец, А. Мухитдинов вынужден был бежать из эмирата весной 1918 г. (имущество Мансуровых было тогда конфисковано)¹⁰. Ряд исследователей полагают, что именно к этому времени Абдукадыр рвет с конституционным монархизмом младобухарцев¹¹.

Что привело А. Мухитдинова на революционные позиции? Первое — его частые поездки по коммерческим делам отца в Россию, сравнение увиденного там с социальным архаизмом своей страны, понимание необходимости сломать существующий общественный строй ради достижения прогресса (кстати, на это обращал внимание и В. В. Куйбышев, говоря о приобретении Абдукадыром, благодаря его странствиям, «несколько более революционной идеологии»¹²). Второе — сама судьба семейства Мансуровых, на которых, несмотря на их несогласие с «колесовским походом», наемные убийцы организовывали покушения даже за пределами эмирата¹³. Бросив торговые дела, А. Мухитдинов с головой ушел в революцию и, в конце концов, встал в ряды первых бухарских коммунистов местной национальности.

В 1918 г. А. Мухитдинов побывал в Москве, где общался с бухарскими эмигрантами и искал поддержки в деле революционного низвержения эмирата.

В начале 1919 г. А. Мухитдинов был утвержден председателем «бухарско-туркестанской секции» Центрального бюро мусульманских коммунистических организаций при ЦК РКП(б), а с 14 января 1920 г. — он член упомянутого бюро¹⁴. Это стало возможно благодаря высокому доверию, оказанному А. Мухитдинову делегатами II Краевой конференции Компартии Туркестана (март 1919 г.), введшей его в состав так наз. Мусульманского бюро — органа, делегировавшего бухарского эмигранта в Москву¹⁵.

Работа А. Мухитдинова в Центральном бюро была сопряжена с постоянными командировками, что, вероятно, и позволило ему актив-

⁷ Цит. по кн.: Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969. С. 205.

⁸ Айни С. Бухоро инқилоби тарихи учун материаллар. М., 1926. 72 б.

⁹ См.: Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии//Избр. тр. Т. 1. Ташкент, 1970. С. 112.

¹⁰ Шамсутдинов Р. Т. Делегаты Туркестана на Всероссийских и Всесоюзных съездах Советов//История СССР. 1987. № 1. С. 117.

¹¹ Ишанов А. И. Роль Компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа. Ташкент, 1978. С. 26—27; и др.

¹² Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. С. 237.

¹³ Айни С. Таърихи инқилоби Бухоро. Душанбе, 1987. С. 222.

¹⁴ Ишанов А. И. Роль Компартии... С. 42.

¹⁵ Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 125; Зиямов Ш. С., Нуруллин Р. А. Турар Рыскулов//Общественные науки в Узбекистане. 1988. № 10. С. 33; и др.

но членствовать в созданной в апреле и окончательно оформившейся в сентябре 1918 г. «партии младобухарцев коммунистов-большеви-ков». Первый съезд этой партии (30 мая — 11 июня 1919 г.) избрал А. Мухитдинова одним из 7 членов ее ЦК¹⁶. Напомним, что через пол-года эта партия будет переименована в Бухарскую Коммунистическую партию.

А. Мухитдинов был делегатом II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока (22 ноября — 3 декабря 1919 г.), слушал исторический доклад В. И. Ленина¹⁷. Он участвовал также в работе VIII Всероссийской конференции РКП(б) (2—4 декабря 1919 г.) и VII Всероссийского съезда Советов (5—9 декабря 1919 г.)¹⁸.

Начало 1920 г. было отмечено продолжавшейся активной работой А. Мухитдинова в Центральном бюро¹⁹. В середине 1920 г. он выполнял также обязанности ответсекретаря газеты «Кутулиш» — органа ЦК БКП. В одном из ее номеров была опубликована его статья о назревании революционного кризиса в Бухаре — «Революция усиливается»²⁰. Непосредственная деятельность А. Мухитдинова в редакции газеты «Кутулиш» стала возможной, вероятно, потому, что он получил задание от Центрального бюро по «организации бухарских отрядов и пропаганды в Туркестане»²¹.

А. Мухитдинов был делегатом IV съезда БКП (16—19 августа 1920 г., г. Чарджуй), который среди других решал и вопрос о блоке с младобухарцами. Долгое время считалось, что А. Мухитдинов на съезде противился союзу с возглавляемой Ф. Ходжаевым организацией — «Туркестанским центральным бюро младобухарцев-революционеров»²². Между тем очевидец тех дней Ф. Юсупов, напротив, вспоминал, что «делегат съезда Абдукадыр Мухитдинов выступил за слияние двух партий. Его поддержали другие»²³.

В письме В. В. Куйбышева от 28 апреля 1921 г., в частности, говорится: «... После Октябрьской революции некоторые из этих эмигрантов, в особенности молодежь, стала внешне усваивать коммунистическую веру (Мухитдиновы, Ходжаевы и др.) (имеются в виду работавшие в Ташкенте и Москве братья Мухитдиновы, Ф. Ходжаев, братья Пулатходжаевы. — Э. Б.). Эмигранты, среди которых представителей бедноты было очень незначительное количество, и явились естественным штабом революции»²⁴. Дополняя этот вывод, известные советские литературоведы Р. Фиш и Р. Хашим пишут, что у А. Мухитдинова и Ф. Ходжаева «была одна и та же цель: углубление аграрной революции, с тем, чтобы, минуя капитализм, с помощью русского пролетариата постепенно подвести Бухару к социалистическому пути развития. И средства для этого оба они видели одни и те же: укрепление независимой Бухарской Республики и установление братских связей с социалистической Россией»²⁵. Изучение источников, касаю-

¹⁶ Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Образование и деятельность Бухарской Компартии. Ташкент, 1983. С. 43.

¹⁷ См.: Акрамов А. Братская помощь русского народа в строительстве социализма в Узбекистане. Ташкент, 1982. С. 113.

¹⁸ Шонли ва зиддиятли йиллар сабоги: Бухоро Компартияси тарихидаги «оқ доғлар»//Совет Ўзбекистони. 1989. 1 февр.

¹⁹ Акрамов А. Братская помощь... С. 113—121.

²⁰ Кутулиш. 1920. 2 июль.

²¹ Акрамов А. Братская помощь... С. 121.

²² См.: Акчурун А. Воспоминания о двадцатом годе в Бухаре и Хиве//Сборник статей к десятилетию бухарской и хорезмской революций. Ташкент, 1930. С. 46—49.

²³ Юсупов Ф. Решающий шаг//За Советский Туркестан: Сб. воспоминаний. Ташкент, 1963. С. 448.

²⁴ Цит. по кн.: Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. С. 237.

²⁵ Фиш Радий, Рахим Хашим. Глазами совести. М., 1980. С. 55—56.

щих деятельность А. Мухитдинова в 1918—1920 гг., подтверждает эти оценки.

После победы народной революции Абдукадыр Мухитдинов становится первым народным назиром земледелия в правительстве Файзуллы Ходжаева. В сущности это был ключевой пост в политической системе молодой республики, если иметь в виду исключительно аграрный характер экономики Бухары. Но уже 14 сентября 1920 г. А. Мухитдинова избирают председателем высшего законодательного и контролирующего органа БНСР — Центрального Революционного Комитета — наглядное свидетельство признания как его заслуг в подготовке революционного переворота, так и его идейно-организаторских способностей²⁶.

Известна газетная статья А. Мухитдинова того периода, посвященная насущным задачам новой власти²⁷.

6 октября 1920 г. А. Мухитдинов выступил на I Всебухарском курултае народных представителей²⁸.

7 ноября 1920 г. состоялось выступление А. Мухитдинова на большом митинге, посвященном Октябрьской революции. Выступил там и полномочный представитель РКП(б), Коминтерна и правительства РСФСР в БНСР В. В. Куйбышев. Участники митинга направили приветственную телеграмму В. И. Ленину²⁹.

8 декабря того же года А. Мухитдинов участвует в Совещании ответработников национальных республик и областей, созванном ЦК РКП(б) в Москве³⁰.

18 января 1921 г. А. Мухитдинов выступил на митинге, посвященном созданию Бухарской Красной Армии³¹. А восемь дней спустя он получил телеграмму от М. И. Калинина, где выражалась уверенность в том, что правительство БНСР «выведет свою страну из переживаемого положения»³².

Весной того же года А. Мухитдинов выступает на митинге, посвященном приезду в Бухару ряда иностранных делегатов III конгресса Коминтерна³³.

Как уже говорилось выше, 28 апреля 1921 г. В. В. Куйбышев направил письмо в ЦК РКП(б), где, в частности, дана высокая оценка моральным и деловым качествам А. Мухитдинова. Позже Центральный Комитет на основе всей поступавшей к нему информации квалифицирует А. Мухитдинова как одно из «подходящих лиц, которое может стоять во главе теперешнего бухарского правительства»³⁴.

18—21 сентября 1921 г. в Бухаре проходил II Всебухарский курултай Советов. На нем с докладом о проекте Конституции БНСР выступил А. Мухитдинов³⁵.

После курултая должность предревкома была упразднена.

Оценивая итоги работы возглавлявшегося А. Мухитдиновым Революционного Комитета, надо сказать, что этим органом были приняты и реализовывались такие важные решения, как указы и постановления о принудительном выкупе сельхозпродукции у крупных торговцев, о передаче медресе и мактабов в ведение Назирата просве-

²⁶ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. С. 193.

²⁷ Бухоро ахбори. 1920. 9 сент.

²⁸ Там же. 11 окт.

²⁹ Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. С. 220.

³⁰ Ишанов А. И. Роль Компартии... С. 55.

³¹ Бухоро ахбори. 1921. 1 февр.

³² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 742, л. 2.

³³ Известия Центрального Ревкома Бухарской Республики, ЦК БКП и Новобухарского обкома БКП. 1921. 21 апр.

³⁴ Цит. по кн.: Зиянов С. З. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976. С. 184.

³⁵ Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Указ. соч. С. 131, 133.

шения, о казийских судах, о продразверстке, об экономических взаимоотношениях с Туркестаном, о проекте Конституции БНСР, об амнистии бывших басмачей-туркмен и т. д.³⁶ — все это выводило новый режим из создаваемой гражданской войной разрухи, прокладывало путь вперед.

В сентябре 1921 г. А. Мухитдинов был назначен на другой ключевой пост — назира торговли и промышленности республики. Касаясь этого, более низкого назначения, литературоведы Р. Фиш и Р. Хашим пишут: «Куйбышев сумел оценить дар Абдукадыра находить язык, понятный бухарскому крестьянину. Но этот же язык мешал понимать его кое-кому из товарищей, сменивших Куйбышева на этом посту (имеются в виду, вероятно, посол РСФСР в БНСР К. Хакимов и другие. — Э. Б.). Вот и вышло, что, одобрив предложения Абдукадыра по земельному вопросу (имеются в виду популярные, учитывающие высокую тогда религиозность дехканства, призывы оставить земли у их прежних владельцев. — Э. Б.), состоявшийся в сентябре 1921 года Второй Всебухарский съезд Советов не избрал его, тем не менее, председателем БухЦИКа»³⁷. Разумеется, это была не единственная, хотя и очень важная, причина отдаления А. Мухитдинова от эпицентра социально-экономических и политических преобразований.

На посту назира торговли и промышленности А. Мухитдинов проделал большую работу. Среди основных направлений его деятельности были: укрепление экономических связей БНСР и РСФСР; реализация новой экономической политики в республике; всяческая помощь дехканству и жителям отсталых окраинных районов. А. Мухитдинову принадлежит заслуга в подготовке, подписании и реализации «Экономического соглашения между РСФСР и БНСР»³⁸.

15 мая 1923 г. на I Экономической конференции Туркестана, Бухары и Хорезма А. Мухитдинов был избран постоянным членом представительства БНСР в Среднеазиатском экономическом объединении (СредазЭКОСО)³⁹.

28 апреля 1924 г. решением Средазбюро ЦК РКП(б) А. Мухитдинов был включен в состав Центральной комиссии по разработке вопросов, связанных с национально-территориальным размежеванием республик Средней Азии. На его долю, таким образом, пришлось нелегкая работа по созданию национальной государственности братских народов⁴⁰.

Летом 1924 г. назначенный главой экономической комиссии БухЦИКа А. Мухитдинов выезжает в Восточную Бухару, где руководит помощью пострадавшему от басмачей населению⁴¹.

А. Мухитдинов возглавлял и так называемый Экономический Совет БНСР⁴².

Говоря о деятельности А. Мухитдинова на всех руководящих постах в БНСР, необходимо отметить и следующее. В решении целого ряда вопросов (о формах собственности и роли частного предпринимательства, об участии членов правительства в деятельности акционерных предприятий, о роли религии в жизни общества, о «туркменском» вопросе, о регламентации государством и церковью семейно-бы-

³⁶ История Бухарской Народной Советской Республики: Сб. док. Ташкент, 1975. С. 69, 206—207, 349—350, 351—352, 419—420. См. также: Известия. 1921. 6 марта; и др.

³⁷ Фиш Р., Хашим Р. Глазами совести. С. 54.

³⁸ История Бухарской Народной Советской Республики. С. 215—217, 232, 323—324, 326 и др.

³⁹ Ишанов А. И. Роль Компартии... С. 167.

⁴⁰ Там же. С. 226—227.

⁴¹ Мухитдинов А. По Восточной Бухаре//Народное хозяйство Средней Азии. 1924. № 2—3. С. 69.

⁴² История Бухарской Народной Советской Республики. С. 332—333.

товых отношений, о контроле над сферой идеологии, о роли находившихся в БНСР частей Красной Армии, об отношениях с Афганистаном и т. д.⁴³) позиция А. Мухитдинова резко расходилась с позицией большинства партийно-государственного руководства республики (Н. Хусаннов, Ф. Ходжаев и др.). Однако это, на наш взгляд, не давало и не дает оснований обвинять А. Мухитдинова в «контрреволюционном уклоне», а, напротив, заставляет нас сегодня шире взглянуть на умонастроения масс и социально-экономическую обстановку тех лет. Тем более, что ныне ряд ученых и исследователей призывают к иному, более реалистическому подходу к бухарской революции и выросшему из нее общественному строю⁴⁴. Так что есть веские основания подтвердить дающиеся многими положительные оценки вклада А. Мухитдинова в строительство новой жизни в Бухаре.

После национально-территориального размежевания А. Мухитдинов возглавил Совнарком Таджикской АССР, входивший в состав Узбекской ССР.

Чтобы показать масштаб и сферу деятельности А. Мухитдинова на посту главы правительства республики, приведем лишь некоторые факты и цифры. В республике проживало тогда около 750 тыс. человек⁴⁵. Уже к первому году существования Таджикистана из него, как сообщали газеты, были выметены остатки басмаческих банд (маленькие кучки, насчитывающие в своих рядах лишь десятки человек, ушли в Афганистан, промышляя разбоем только в приграничных кишлаках)⁴⁶. Посевная площадь здесь увеличилась с 165 тыс. га в 1925 г. до 239 тыс. га в 1928 г., причем площадь посевов хлопчатника за эти же годы выросла в 25 раз, достигнув 38 тыс. га. В новых хлопкозаводах дали к 1929 г. продукции на 8200 тыс. руб.⁴⁷ Было достигнуто хлебное самообеспечение. Сокращен дефицит республиканского бюджета. Вернулись на родину 60 тыс. беженцев. Больницы и школы были построены даже на Памире⁴⁸. Безусловно, во всем этом есть и солидная доля труда предсовнаркома.

Касаясь деятельности руководимого А. Мухитдиновым правительства ТаджАССР, Председатель СНК УзССР Ф. Ходжаев говорил на одной из сессий ЦИКа Узбекистана: «... Трудящиеся массы Таджикистана сейчас стали по-настоящему хозяевами положения в своей республике... они, развивая свое хозяйство и культуру, открывают величайший путь к дальнейшему прогрессу и развитию»⁴⁹.

Жил Абдукадыр Мухитдинов, между прочим, в общезитии членов правительства — «неказистом на вид, продолговатом и приземистом здании, с маленькими оконцами, построенном из необожженного кирпича... с комнатками каждая не более девяти квадратных метров, с одним окошком и с одной крохотной прихожей»⁵⁰ (сам Душанбе, как известно, был тогда пыльным, грязным кишлаком, отстоявшим в 200 км от железной дороги⁵¹). Здание это не сохранилось.

А. Мухитдинов был делегатом IV Всесоюзного съезда Советов и кандидатом в члены избранного этим съездом ЦИКа⁵². Он был и де-

⁴³ См.: Ходжаев Ф. Ответ на письмо Д. Ю. Гопнера от 15 июля 1921 г. // Избр. тр. Т. I. С. 413; Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. С. 236, 237—238; Зиманов С. З. Указ. соч. С. 183, 184.

⁴⁴ См.: Сироткин В. От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано: Сб. статей. М., 1988. С. 374; Фиш Р. Правда революции и националистическая мифология // Наука и религия. 1988. № 11. С. 4; и др.

⁴⁵ Правда Востока. 1927. 7 янв.

⁴⁶ Там же. 1929. 15 окт.

⁴⁷ Там же. 26 февр.

⁴⁸ Там же. 15 окт.

⁴⁹ Там же. 1927. 29 сент.

⁵⁰ Худоназаров Д. Воспитание памятью // Правда. 1986. 25 янв.

⁵¹ Фиш Р., Хашим Р. Глазами совести. С. 57.

⁵² Правда Востока. 1927. 29 апр.

легатом I—III съездов Компартии Узбекистана, всех съездов Бухарской Компартии, а также I—III курултаев Советов Узбекистана.

15 января 1929 г. Президиум ЦИКа Советов автономной республики постановил «освободить от должности председателя СНК, согласно личному заявлению Мирза Абдукадыра Мухитдинова, оставив его в составе делегации ТАССР в Средазэко»⁵³. Касаясь мотивов такого решения, можно предположить, что А. Мухитдинов был вынужден уйти со своего поста в связи с наметившейся в стране обстановкой подозрительности к выходцам из богатых семей. Учтем также, что превращение Таджикистана в союзную республику требовало привлечения к руководству преимущественно местных кадров. И, наконец, одной из причин его ухода могло стать несогласие А. Мухитдинова с проводившейся в республике национальной политикой⁵⁴. Наши выводы отчасти подтверждаются материалами пресловутого «процесса над антисоветским правотроцкистским блоком», где в качестве человека «английской ориентации» фигурирует и имя давно уже скончавшегося к тому времени А. Мухитдинова⁵⁵.

Вполне возможно и то, что А. Мухитдинов навлек на себя беду выступлением против низких заготовительных цен на сельхозпродукцию, чрезвычайных мер по отношению к середнякам, высказывавшем за необходимые предпосылки для организации коллективного землепользования — призывами, квалифицировавшимися тогда как «оппозиционные бухаринско-рыковские». Ведь накануне апрельского (1929) Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), как раз во время освобождения А. Мухитдинова от его обязанностей, «обстановка... резко изменилась. В партийных организациях «вдруг» развернулась кампания по осуждению сторонников «правого уклона». И. В. Сталин пытался объяснить это инициативой местных партийных организаций. Но факты свидетельствуют, что вся кампания была организована сверху»⁵⁶. (Между прочим, А. Мухитдинов мог быть близко знаком со Сталиным по периоду 1918—1920 гг., когда последний был председателем упомянутого выше Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока. Уже этот факт мог сыграть свою роль в судьбе А. Мухитдинова).

Умер А. Мухитдинов в 1934 г.⁵⁷ К сожалению, существующие источники практически ничего не сообщают о последних пяти годах его жизни. (Как нам удалось выяснить, располагавшийся в самом центре города бухарский дом Мухитдиновых занимает ныне детский сад № 40 «Колокольчик» по улице Профсоюзной, 14).

Самая большая загадка политической биографии А. Мухитдинова — возможность его встреч и бесед с Владимиром Ильичем Лениным. Некоторые исследователи утверждают, что такое действительно происходило⁵⁸, и не раз⁵⁹, хотя наиболее полная, двенадцатитомная «Биографическая хроника» В. И. Ленина не указывает на это. Думается, разгадка этого пробела будет служить не только восстановлению доброго имени видного революционера и коммуниста, но и пополнит наши знания по истории Средней Азии первых послеоктябрьских лет.

⁵³ Там же. 1929. 18 янв.

⁵⁴ Мухитдинов А. Таджики или узбеки населяют город Бухару и его окрестности? (В порядке обсуждения)//За партию. Ташкент, 1928. № 9. С. 67—70.

⁵⁵ Правда. 1938. 7 марта.

⁵⁶ О так называемом «антисоветском правотроцкистском блоке»: Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС//Известия ЦК КПСС. 1989. № 1, С. 126.

⁵⁷ См. примечания к кн.: Ходжаев Ф. Избр. тр. Т. I. С. 457.

⁵⁸ Акрамов А. Братская помощь... С. 113.

⁵⁹ Шонли ва зиддияти йиллар сабоғи. 3 б.

Абдукадыр Мухитдинов был верным сыном Коммунистической партии и своего народа. Лучшую часть своей жизни он отдал борьбе за подготовку и проведение народной советской революции в Бухаре, создание там демократического общества, движение среднеазиатских республик по пути социализма. Конечно, не все бесспорно в его взглядах и практических действиях, но это отнюдь не меняет общей положительной оценки вклада А. Мухитдинова в строительство новой жизни.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЛЕНИНСКОЕ ПИСЬМО
«ТОВАРИЩАМ КОММУНИСТАМ ТУРКЕСТАНА»
В ВИДЕ ЛИСТОВКИ

(К 70-летию издания и распространения)

Всесторонняя научная разработка истории распространения произведений классиков марксизма-ленинизма в Советском Туркестане первых послеоктябрьских лет дает возможность проследить сложный процесс распространения в крае социалистических идей и их восприятия трудящимися массами коренных национальностей. Специальное изучение истории коммунистической пропаганды на языках народов Туркестана, особенно в тот период, позволяет полнее и конкретнее осветить огромную заботу партии и Советского правительства, лично В. И. Ленина о политическом просвещении освобожденных от колониального и социального гнета народов Среднеазиатского региона.

Недостаточно изученным остается пока вопрос о публикации произведений В. И. Ленина в виде листовок и их распространении партийными организациями Туркестанской АССР и Туркфронта¹. Что касается исследования публикаций произведений В. И. Ленина в листовках на национальных языках, то здесь сделано еще меньше². В частности, несмотря на огромное значение изучения истории издания и распространения ленинского письма «Товарищам коммунистам Туркестана» в виде листовки на узбекском языке³, в работах историков не рассматривается должным образом происхождение этой публикации. Не выяснены ни время выпуска листовки, ни авторы перевода ленинского текста на узбекский язык.

Как известно, письмо «Товарищам коммунистам Туркестана»⁴ составлено В. И. Лениным в процессе практического осуществления положений, выдвинутых в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана»⁵. Написано письмо не ранее 8 октября 1919 г.⁶

Подписанное В. И. Лениным постановление ВЦИК и СНК РСФСР, а также ленинское письмо доставил в Ташкент председатель Турккомиссии Ш. З. Эльмава⁷. Эти исторические документы были оглашены на совместном заседании Крайкома, Мусульманского бюро КПТ и ТуркЦИКа 4 ноября 1919 г.⁸

Письмо В. И. Ленина было опубликовано в объединенном номере «Два года первого века пролетарской эры» трех республиканских газет: «Туркестанского коммуниста» — органа Крайкома КПТ, «Известий» — органа ТуркЦИКа и «Красного фронта» — органа Политотдела Реввоенсовета Туркеспублики 7—10 ноября 1919 г.

Издавший изучаемую листовку политотдел первой отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады прибыл в г. Агджикаш 19 января 1920 г.⁹ Значит, листовка с текстом ленинского письма издана не в начале января 1919 г., как ука-

¹ Шевцова А. Ф. Издание произведений В. И. Ленина в листовках в первые годы Советской власти: По материалам коллекции ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина//Ленинград. Поиск. Источниковедение. Археология. Л., 1981. С. 344—357.

² Мирзаева Э. П. Письмо В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана» в листовке из фонда Самаркандского музея//29-я научная конференция профессорско-преподавательского состава. Самарканд, 1972. С. 25—27.

³ Самаркандский музей истории культуры и искусства, янв. КП-3424/42.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 304; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 11308, л. 10б.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 450.

⁶ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 7. С. 552.

⁷ Агапов П. В. Ленинское слово//Печать Узбекистана. 1967. № 10. С. 7.

⁸ Там же.

⁹ Рафиков М. А. От Вюлли до Тянь-Шаня: Братская помощь Первой стрелковой бригады народам Бухары, Ферганы, Семиречья в борьбе за Советскую власть в 1919—1922 гг. Казань, 1976. С. 55—56.

зывают составители каталога «Листовки первых лет Советской власти»¹⁰, а позднее 19 января 1920 г.

Воспоминания Я. Д. Чанышева, бывшего тогда военным комиссаром этой бригады, помогают нам установить круг лиц, которые могли участвовать в переводе листовки на узбекский язык. Чанышев указывает, что «наши политработники Енчикиев, Карагаев, Касымов, Садыков, братья Биккулевы, Бурнашев, Рафииков, Маматказин, Украинцев, Галиев, Левин, Султанов, Рябов и многие другие накопили солидный опыт большевистской пропаганды и агитации, хорошо изучили местные особенности и узбекский язык»¹¹.

Сотрудники политотдела поставили под текст листовки примечательную подпись: «Политотдел Татарской бригады, прибывший из Центра»¹², подчеркнув тем самым интернациональный характер сформированной в Казани бригады¹³.

Политработники бригады дали в листовке ленинскому письму своеобразный заголовок: «Письмо вождя Советской власти, отца всех коммунистов-большевиков, дорогого товарища Ленина к туркестанским коммунистам»¹⁴. Текст ленинского письма, в котором излагались сущность и принципы национальной политики Советской власти по отношению к народам Средней Азии и Казахстана, приведен в листовке в полном объеме.

Листовка была опечатана в типографии Туркестанской республики в Андижане. Поэтому мы предполагаем, что ее примерный тираж — 15—20 тыс. экз., каким обычно выпускала листовки эта типография.

На сегодняшний день — это единственный пример публикации ленинского документа на узбекском языке в Туркестанской АССР в годы гражданской войны. Дальнейшая работа, возможно, приведет к выявлению новых документов и дополнительных сведений, свидетельствующих о подлинно массовом распространении ленинских идей среди коренного населения края на его родных языках.

Хотя тексты всех ленинских документов широко известны благодаря публикациям в собраниях сочинений В. И. Ленина, листовки с ленинским текстом являются ценнейшим источником для изучения истории издания и распространения ленинского наследия, а также агитационно-пропагандистской работы полторганов Туркестанского фронта в сложнейших условиях гражданской войны. Публикация произведений В. И. Ленина в листовках большевистских организаций Туркестана значительно повысила авторитет этой своеобразной формы партийно-советской печати. Листовки способствовали активному распространению ленинских идей и внесли существенный вклад в идейно-политическое воспитание трудящихся масс Туркестана, утверждение идей пролетарского интернационализма.

Дальнейшее изучение вопросов издания и распространения листовок с произведениями В. И. Ленина позволило бы глубже осветить практику массовой агитационно-пропагандистской работы партии в первые годы Советской власти, особенно среди трудящихся коренных национальностей, конкретные формы, методы и средства их приобщения к ленинизму, строительству новой жизни.

Большой интерес представлял бы текстологический анализ листовок, сравнение их текста с публикациями ленинских работ в газетах и брошюрах. Целенаправленный и централизованный поиск листовок с ленинским текстом, особенно переведенным на языки народов Средней Азии, позволил бы в дальнейшем создать сводный библиографический справочник, посвященный изданию работ В. И. Ленина в виде листовок в Советском Туркестане в первые годы после победы Октября.

Б. А. Коцанов

¹⁰ Листовки первых лет Советской власти (1917—1925 гг.): Каталог листовок из коллекции Самаркандского музея/Состав. Э. П. Мирзаева и Г. В. Попов. Ташкент, 1983.

¹¹ Чанышев Я. Д. Вспоминания былые походы (Боевой путь первой Татарской стрелковой бригады). Казань, 1973. С. 37.

¹² Самаркандский музей истории культуры и искусства, инв. КП-3424/42.

¹³ Октябрьская революция и гражданская война в Туркестане: Сб. воспом. Ташкент, 1957. С. 239—241.

¹⁴ Самаркандский музей истории культуры и искусства, инв. КП-3424/42.

УЧАСТИЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ-КУСТАРЕЙ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ И РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В ТУРКЕСТАНЕ

История национально-освободительного и революционного движения в Средней Азии получила широкое освещение в нашей литературе. Однако это относится в основном к участию в освободительной борьбе рабочего класса, а также крестьянства. В меньшей степени изучено участие в ней ремесленников-кустарей как союзников пролетариата.

Как известно, проникновение в край из России фабричных изделий, более де-

шевых и лучших по качеству, вело к значительному ухудшению положения ремесленников, не способных выдерживать конкуренцию с привозными товарами, терявших источники своего заработка, разорвавшихся и становившихся одним из источников пополнения рядов рабочего класса. Другая часть кустарей, не находя себе работы в городах, вынуждена была идти в поисках работы в кишлаки и вливаться в ряды марджеров. Так, в одной лишь Сырдаринской области в начале XX в. было зарегистрировано 41 тыс. отходняков, из них 18 646 человек — из Ташкента¹.

Заработки кустарей всех специальностей, пытавшихся продолжать свое дело, были низкими. Так, мастер, изготавливавший арбы, зарабатывал в год 100 руб.; заработок седельщика определялся также в 100 руб.²; ткач получал с одного станка 230 руб. в год³ и т. д. Надо учесть и то, что к концу XIX — началу XX в. многие кустари находились уже в зависимости от скупщиков их продукции.

К тому же в колониальный период непомерно увеличилось налоговое бремя. Вместо ранее существовавших налогов, как весовые, базарные и др., были введены таможенные и базарные сборы; с торговцев взимали: по 10 руб. с лавки, находившейся в караван-сараях и торговавшей красным товаром, матой, выбойкой, халатами и т. п.; по 5 руб. — с торгующих ножками, медной посудой, седлами, сундуками; по 3 руб. — с кузнечных, свечных, обувных, красильных заведений, торговцев тубейками, глиняной посудой и т. д.⁴ Ремесленники, не имевшие лавки, платили за ее наем от 2 до 5 руб. в год⁵.

По распоряжению генерал-губернатора края закят был заменен промысловым сбором: купцы должны были платить за право торговли, а ремесленники — за право промысла. Даже те ремесленники, которые прежде в связи с малыми доходами не платили закят, по новому положению обязывались вносить налог в размере от 2 до 3 руб.⁶ Заметим, что во времена правления кокандских ханов, если в лавке оказывалось товару меньше, чем на 40 руб., закят не взимался. Так, множество мелких торговцев табаком, москательными товарами, мелкие ремесленники-ткачи, лица, занимавшиеся извозным промыслом, и др., закятом не облагались⁷.

Как отмечали дореволюционные авторы, «налог на внутреннюю и городскую торговлю введен русскими [властями] и прогрессивно увеличивался»⁸.

Если введенные вместо опмененного закята пошлины за право торговли и промыслов, с одной стороны, способствовало некоторому упорядочению взимания налогов, то, с другой стороны, оно легло тяжелым бременем на плечи мелких торговцев и особенно ремесленников-кустарей. Не случайно в газете «Туркестанские ведомости» публиковались заметки о протесте мелких кустарей против введения нового порядка взимания торговых пошлин, отрицательно отразившегося на положении этих слоев населения. «Новое положение, — писал очевидец, — придавило без всякой нужды ремесленников, вообще мелкие промыслы, т. е. самый небогатый люд»⁹.

Все это вызвало растущий протест трудящихся масс края, нередко выливавшийся в массовые выступления. Одним из крупных выступлений было восстание 1892 г. в Ташкенте, известное под названием «холерного бунта». Холера и связанные с этим мероприятия властей послужили лишь поводом к восстанию. Причиной же его заключались в накопившемся за годы жесточайшей эксплуатации и колониального гнета недовольства коренного населения.

20 июня 1892 г. началось открытое выступление жителей «старого города». Они разгромили управление начальника города Ташкента, избив начальника города С. Р. Путинцева. Вооруженные камнями и палками участники выступления ранили нескольких полицейских и заставили их отступить. Среди повстанцев, призывавших жителей к борьбе против царских чиновников, находились кустари-сапожники Искандарбек и Якуб Азимбаев¹⁰. За участие в восстании был арестован в своей мастерской кузнец Талыпбай Мусабилов¹¹. Были подвергнуты репрессиям и другие участники выступлений.

Основной движущей силой восстания были городские низы — ремесленники, мелкие торговцы, марджеры и иные беднейшие слои населения. Так, в числе 51 человек, захваченных при разгроме управления начальника города, было 22 ремесленника, 10 марджеров и др.¹²

¹ Обзор Сыр-Даринской области за 1911 г. Ташкент, 1913. С. 133.

² ЦГА УзССР, ф. И-17, оп. 1, д. 21596, л. 170.

³ ЦГА УзССР, ф. И-450, оп. 1, д. 16, л. 17, 21.

⁴ Там же, л. 33.

⁵ Очерк внутренней торговли киргизской степи // Туркестанский сборник. Т. 5. С. 303.

⁶ Михайлов М. О. О торговых пошлинах // Туркестанские ведомости. 1380. 25 нояб.

⁷ Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876. С. 1—2.

⁸ Там же. С. 2.

⁹ Михайлов М. О. Указ. статья.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 3, л. 165—181; ф. И-723, оп. 1, д. 2, л. 42—43; д. 3, л. 30—31.

¹¹ Там же, ф. И-723, оп. 1, д. 4, л. 31.

¹² История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 82.

Восстание было жестоко подавлено. Но оно вошло в историю как одна из попыток ремесленной массы города бороться против того экономического тупика, в который завела мелкое производство среднеазиатского ремесленника и кустаря хищническая колониальная политика царской администрации.

Другим крупным движением народных масс края конца XIX в. стало так называемое «Андижанское восстание» 1898 г., охватившее почти всю Ферганскую долину. Основной движущей силой его были крестьяне и опять-таки беднейшие слои городских ремесленников.

Начало XX в. внесло крупные изменения в характер народных выступлений. На арену политической жизни края вышла новая общественная сила — туркестанский рабочий класс. Местные трудящиеся: ремесленники, дежкане — обрели в лице русского пролетариата надежного союзника и руководителя в борьбе против угнетателей.

По словам В. И. Ленина, русское движение 1905 г. окончательно разбудило Азию. «Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹³.

Участвуя вместе с русскими рабочими в демонстрациях и митингах, узбекские ремесленники и кустари «старых» городов приобретали опыт политической борьбы, учились понимать, что подлинным другом народов Туркестана, их руководителем в борьбе за социальное и национальное освобождение является рабочий класс России.

Именно в период революции 1905—1907 гг. началась революционная деятельность братьев Султанходжи и Акбарходжи Касымходжаевых — выходцев из семьи бедного ташкентского ремесленника-ткача. Ачыл Бабаджанов, родившийся в семье ремесленника-строителя, стал проводником революционных идей среди местных рабочих, ремесленников. В освободительное движение втягивались все новые слои трудового населения края.

В 1908 г. вспыхнула крупная забастовка ремесленников-ткачей в Бухаре. Памятные мастера, доведенные до отчаяния мизерной оплатой труда, решили бастовать. Выступление носило дружный и организованный характер. Группы бастующих ходили по мастерским и призывали ремесленников прекратить работу. Забастовка ткачей вскоре стала всеобщей и ее поддержать даже бобо — старшина цеха. Выступление продолжалось 15 дней. Устакорам пришлось прибавить плату наемным мастерам¹⁴.

Первая мировая война привела к усилению колониальной эксплуатации края. Местное население обязано было поставлять армии лошадей, верблюдов, юрты и др. Только за два года войны в Россию было отправлено 300 тыс. пудов мяса, 3 109 100 пудов хлопкового масла, 70 тыс. лошадей, 12 798 верблюдов и т. д.¹⁵ В то же время ввоз из России многих товаров, в первую очередь зерна, намного сократился. Быстро росли цены на продовольственные и промышленные товары, процветала спекуляция. Положение народных масс становилось все тяжелее.

Население облагалось и натуральной, и денежной повинностью. Под предлогом повышения военных расходов Государственная дума занялась пересмотром налоговой системы. Были повышены существующие и введены новые виды налогов. В частности, промысловый налог был увеличен на 50%¹⁶.

Все это вело к разорению мелких ремесленников. Они бросали свое ремесло и пополняли ряды городского и сельского пролетариата. Многие из них оказывались без всяких средств существования. Такое положение вызывало растущий протест с стороны беднейших слоев населения, в том числе кустарей.

В крае создались благоприятные условия для дальнейшего развития национально-освободительного движения. В 1916 г. в Средней Азии и Казахстане вспыхнуло массовое народное восстание, поводом к которому послужил царский указ о мобилизации мужчин из коренного населения на военно-тыловые работы. Активное участие в восстании приняли все слои трудового населения, в том числе ремесленники.

По свидетельству активного участника восстания М. Урунходжаева, только в Джизжаке в восстании приняли непосредственное участие 160—180 гончаров, возглавляемых Даминном Куллолом; 120—130 кузнецов во главе с Салимом Аксакалом; 170—180 текстильщиков под руководством Ташпулата Рахманова; 200 кожевников во главе с Карабаем Кабиловым и Ашурматом; 90—100 пекарей, руководимых Абдуллою Ачиловым и Курбанбаем Уруновым, и многие другие¹⁷.

Одним из крупнейших эпизодов движения 1916 г. в Туркестане стало восстание в Ташкенте — административном центре края, которое началось 31 июля 1916 г.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 146.

¹⁴ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962. С. 96.

¹⁵ Макашев А. Утверждение Советской власти в Центральном и Южном Таджикистане. Душанбе, 1957. С. 13.

¹⁶ Туркестанские ведомости. 1915. 12 февр.

¹⁷ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 233.

Ремесленники, рабочие, городская беднота и пригородные крестьяне устремились к полицейскому управлению. Здесь собралась огромная толпа. Женщины кричали: «Не дадим рабочих!», а мужчины: «Не пойдем, здесь умрем!» Заместитель полицеймейстера пристав Мочалов и его помощники напрасно пытались успокоить народ. Тут же возникали стихийные митинги, на которых ораторы: кожевник Юлчи Ибрагимов, каменщик Гулям Камалов, сапожник Абдурахман Абдишаюмов и другие¹⁸ — призывали народ к решительным действиям против царских властей.

Ремесленное население было активным участником волнений и в городах Ферганской области. В частности, в Маргиланском уезде в восстании приняли участие ткачи Ахунджан Байбутаев, Нурмат Мамасадыков, Рахматулла Махсумов, Муминджан Абдуматалимов и др.¹⁹

В Маргилане за участие в восстании царскими властями было арестовано и предано суду 83 человека, из них 50 были осуждены. В их числе было 30 ткачей, сапожников, пекарей, плотников, шелководов и других ремесленников. К смертной казни был приговорен 20-летний ткач Рахматулла Махсумов, к каторжным работам и ссылке на длительные сроки — плотник Муминджан Абдуматалимов, сапожник Абдурахман Мамаджанов, ткачи Малябай Касымбаев и Махаматали Хабибуллаев²⁰.

11 июля произошло выступление трудящихся в Намангане. Основными участниками его также были ремесленники, чернорабочие, городская беднота. В результате кровопролитного столкновения восставших с полицией и войсками было убито 12, ранено 38, умерло от ран 27 человек. Начальник уезда вынужден был признать, что восставшие вели себя героически — даже раненые кричали: «Это ничего (майла), мы все равно свое возьмем, сделаем!»²¹

Таких фактов можно привести еще немало. Они наглядно свидетельствуют о том, что повсеместно одной из главных движущих сил освободительной борьбы были ремесленники-кустаря, становившиеся важнейшим резервом нарастающего революционного движения туркестанского пролетариата.

З. Файзиева

¹⁸ Зияев Х. З. Туркестонда озодлик харакатлари тарихидан. Тошкент, 1977. С. 57.

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 1, д. 1100, л. 248—252.

²⁰ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 301.

²¹ ЦГА УзССР, ф. И-276, оп. 2, д. 153, л. 7—8.

ИДЕОЛОГИЯ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В МАВЕРАННАХРЕ И ХОРАСАНЕ IX—X ВЕКОВ

В X в. в Мавераннахре и Хорасаве продолжался сложный процесс феодализации, который сопровождался острой классовой борьбой крестьян и городской бедноты против роста эксплуатации, тяжелой налоговой и аграрной политики Саманидов и Аббасидов.

Господствующая феодальная верхушка в целях оправдания, «освящения» эксплуатации трудового народа широко использовала предписания ортодоксального ислама суннитского толка. Политические, экономические и социальные требования свободных и феодально-зависимых крестьян, издольщиков, ремесленников, городских низов, в свою очередь, также прикрывались религиозной оболочкой. Примерно со второй половины VIII в. идеологическое руководство движением народных масс в Средней Азии и Хорасаве перешло к шиитам. Они с самого начала разделились на различные подсекты, каждая из которых, подчеркивая «преимущества» своего идеологического учения, соперничала с другими. Поэтому необходимо иметь общее представление о всех учениях шиитов, а затем уже уточнять отличительные черты отдельных подсект.

Как отмечал И. П. Петрушевский, все «шииты, даже умеренные (кроме зайдитов), считают имамов прирожденными носителями божественной манифестации (араб. зухур «проявление»). Шииты развили учение о предвечном божественном свете — нур-и Мухаммади: со времени сотворения Адама этот божественный свет переходил от одного избранного богом потомка Адама к другому; затем, отразившись на серии пророков, этот свет отразился на дяде пророка Мухаммада Абд ал-Мутталибе; после него божественный свет разделился: часть его отразилась на Абдаллахе, отце Мухаммада, а после него на пророке, другая же часть — на брате Абдаллаха Абу Талибе, а после него на его сыне 'Али. После 'Али божественный свет последовательно отражался на серии имамов, потомков 'Али из поколения в поколение»¹.

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966. С. 264.

Здесь, как видим, идет речь не о боготворении имамов, а лишь об «отражении божественного света» на них. Но такое представление для широкой массы верующих, не искушенных в тонкостях теологических формулировок, открывало путь к прямому обожествлению (хулуль) имамов. К такому представлению пришли крайние шииты. Среди них особенно популярен был Мухаммад ибн Ханафийа, сын Али не от дочери пророка, а от рабыни из племени ханафийа. Идеология этих шпитов была распространена более всего среди народов Средней Азии.

Сподвижников Мухаммада ибн Ханафийа называют еще «кайсанидами». Они утверждали, что Али стал имамом не по родству пророком (как зять), а по духовному преемству. Поэтому он должен был передать свое духовное преемство своим трем сыновьям — Хасану, Хусейну и Мухаммаду ибн Ханафийа. Группа кайсанидов не признавала смерти Мухаммада (ум. около 700 г.), веруя, что он скрывается в некоей пещере и вскоре возвратится как имам Махди. Так появилось учение о «скрытом имаме» (араб. гаййба) и о возвращении (араб. радж'а)². Другая группа кайсанидов после смерти Мухаммада считала пятым имамом его сына Абу Хашима Абдаллаха, который имел большой авторитет и много сторонников в Хорасане, а позднее и в Мавераннахре. Омейяды арестовали его.

В это время среди покоренных арабами народов усилилась борьба против тирании Омейядов. Среди самих арабов появилось ожидание перемены власти после сотого года хиджры. 100-й год хиджры назывался «годом осла», «а по словам Са'алиби, — писал В. В. Бартольд, — у арабов прежде существовал такой термин для обозначения «начала каждого столетия»³.

В. В. Бартольд отметил, что «у Я'куби термин год осла связывается с известной легендой, рассказанной в Коране (сура II, стих 216)⁴», где говорится о человеке, проснувшемся от столетнего сна и увидевшем кости своего осла, которого Аллах оживил на его глазах⁵.

Из рассказов «Арабского анонима XI в.» известно, что имам Абу Хашим Абдаллах ибн Мухаммад ибн Ханафийа, умирая, будто бы уступил свое право на имамат Аббасиду Мухаммаду Ибн Али, он сказал: «И когда ...окончится сотый год, а это год хозяина осла, то вот тогда и сделайте явным ваше дело»⁶. Дело его продолжил и довел до победного конца его сын, имам Ибрахим ибн Мухаммад, при помощи шиа Хашимитов, которых возглавил раб Мухаммада ибн Али Абу Муслим. Он захватил власть в Хорасане в 750 г., организовав свержение последнего омейядского халифа Марвана, носившего прозвище «ал-химор» (осел).

В это же время в некоторых частях Хорасана руководство народным движением взяла в свои руки другая группа шиитов-имамитов — зайдитов (потомков Хусейна, младшего сына Али). Четвертым зайдитским имамом считался Али, прозванный Зайнал-Абидин («украшение рабов божьих»), ум. в Медине в 713 г.), а пятым имамом был Мухаммад, сын Али, прозванный «имамом Бакира» (т. е. «раскрывающий», ум. в 732 г.).

В 40-х годах VIII в. шииты признали в Куфе имамом Зайда ибн Али, брата Мухаммада Бакира. Зайд восстал против Омейядов, но потерпел поражение и был казнен. Зайдиты допускали существование нескольких имамов в одно и то же время. Они не признавали принципа «такия» — «благоразумного скрывания» своей веры. Зайдиты предпочитали проявлять большую активность в борьбе за свои идеалы — теократическое государство с выбранным имамом (халифом) из числа Алидов. Вера зайдитов распространялась среди народов Табаристана и с середины VIII в. они имели широкую популярность. Для этих шиитских движений общим было стремление к утверждению «истинного» имамата Алидов и восстановление «чистого ислама», как теократии, которая рисовалась в идеализированном виде и противопоставлялась светскому феодальному халифату. Это и была та «открытая ересь», которая характерна для народных и оппозиционных движений эпохи феодализма.

По Ф. Энгельсу, писал И. П. Петрушевский, религиозная окраска классовых движений в феодальных обществах «объясняется не свойством человеческого сердца и не религиозной потребностью — как думает Фейербах, — но всей предыдущей историей средних веков, знавших только форму идеологии: религию и богословие»⁷.

При Аббасидах сложился ряд шиитских сект, которых называли «крайнимч» шиитами. Общей чертой их было обожествление халифа Али и его потомков. Мусульманские ересологи различают три формы обожествления людей: 1) зухур (араб.

² Там же.

³ Бартольд В. В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии//Соч. Т. II(2). М., 1964. С. 384—385.

⁴ Здесь опечатка: стих Корана не 216, а 261 (259).

⁵ Бартольд В. В. Там же. Ср.: Коран/Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963. С. 45. Ст. 261. Прим. 201.

⁶ Арабский аноним XI века/Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича. М., 1960. С. 85.

⁷ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.; Л., 1960. С. 414.

«проявление») — отражение божественной силы в человеке; 2) иттихад (араб. «единение, сосдинение») — одновременное существование человеческого и божественного начала в одной душе; 3) хулуль — инкарнация божества в человеке; при этом человеческая природа преобразуется в божественную. Последние две формы свойственны идеологии крайних шиитских сект и суфизму, но умеренные суфии и суннитские теологи считают их еретическими и чуждыми исламу.

У крайних шиитов развито учение «танасух» — «переселение душ святых». Это было учение Муканны и его последователей. В источниках нередко встречается упоминание о них как об остатках хуррамидинской секты — к ним относятся гудакийа, абумуслимийа, сафиддажамакийа, которых Абу Райхан Беруни относил к последователям Маздака⁸. Однако хорошо известно, что все последователи Абу Муслима, в том числе сафидджамакийа (люди в белых одеждах), также были в конце VIII в. приверженцами Муканны (и нам удалось доказать, что Муканна и его сподвижники причисляли себя к шиитам). Сподвижники Муканны считали своим имамом Муканну, который называл себя Хашимом, правнуком Мухаммада ибн Ханафийа⁹. Так в Хорасане и Мавераннахре распространилась идеология крайней шиитской подсекты, впоследствии получившей название батынитов. Беруни причислял Муканну к лжепророкам за то, что он притязал на божественность⁹ и установил законы Маздака¹⁰. Беруни писал, что к его времени (XI в.) «из тех, кто последовал за Маздаком, осталась лишь горсточка [людей], которых относят к нему, называя их «маздакитами» и «хуррамидинитами» в связи с их религией и вероучением, а также «зиндикитами» в связи с толкованием [учения], ...а Маздак утверждал, будто ему принадлежит толкование Авесты и изъяснение ее внутреннего смысла.

К этому имени возводят и манихеев, ...Батынитов в исламе тоже относят к маздакитам, так как батыниты приписывают своему первому и второму [имаму] качество творца — слава ему! — и вследствие сходства их родословных в толковании священных книг»¹¹.

В IX—X вв. участие батынитов в народных восстаниях наблюдается повсеместно и в Хорасане, и в Мавераннахре. Носители того шиитского течения верили в единого бога, пророческую миссию Мухаммада и его предшественников, в откровение, ниспосланное в Коране, в «имама времени», избранного богом, как носителя частицы «божественного света» и как непогрешимого учителя, ведущего верующих к вечному блаженству. По их утверждениям, имам обладает тайным знанием, которое открыто Али, а через него — последовательно другим имамам. Такое знание включает внутренний (батын), скрытый от непосвященных, тайный смысл Корана, постижение тайн природы, знание и понимание тайного смысла всех событий истории человечества «от Адама до дня воскресения из мертвых». По представлению шиитов-имамитов, мир не может существовать без «имама времени». После исчезновения предполагаемого двенадцатого имама Мухаммада ибн Хасана имамиты нашли выход в учении о «скрытом имаме», возвращения которого следует ожидать. Для шиитов ханафитской секты уже имам Мухаммад ибн Ханафийа считался «открытым». Впоследствии «скрытый имам» появился и у исмаилитов (после их седьмого имама Мухаммада ибн Исмаила).

В источниках X в. при описании народных движений их участники или вожди нарекаются «карматами». Таковы, например, восстание шиитов во главе с Мухаммадом ибн Харуном (901 г.); восстание крестьян, пастухов, городской бедноты во главе с Абу Билалом Хамданом (907 г.¹²); восстание шиитов-зайдитов Табаристана во главе с Хасаном ибн Али Утрушем; восстание Абу Бакра Хаббазе в Бухаре (930 г.). Эти восстания носили шиитско-зайдитскую религиозную оболочку, а социально-экономические требования их близки к программе карматов. Большинство восставших боролись против высоких размеров хараджа, против захвата феодалами остатков общинных земель и разорения «азатов».

Дальнейшее развитие процесса феодализации ускорило разорение и обнищание сословия «азат», обогащение духовенства и начальников войск — гулямов. В книге

⁸ Кадырова Т. Значение сведений Беруни в изучении аграрных отношений и крестьянских восстаний в Средней Азии и Хорасане//Беруни: Сборник статей к 1000-летию со дня рождения. Ташкент, 1973. С. 164.

⁹ Муканна проповедовал учение о переселении душ святых (пророков) — «танасух ал-арвах». См. там же.

¹⁰ Маздак будто бы утверждал, что «Аллах создал блага на земле для того, чтобы люди поровну поделили их между собой, но люди при этом причинили друг другу обиду. Последователи Маздака утверждают, что они отбирают у богатых в пользу бедных и возвращают неимущим то, что отбирают у имущих, ибо если у кого-нибудь есть избыток денег, жен и прочего имущества, то из этого не следует, что ему принадлежит пренатуральное право на все это». См.: Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана//Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М.; Л., 1958. С. 450—451.

¹¹ Беруни. Памятники... С. 214.

¹² Кадырова Т. Восстание карматов во главе с Абу Билалом (907 г.)//ОНУ, 1979. № 6. С. 23—28. Абу Билал проповедовал свое учение от имени Якуба ибн Лейса, основателя Саффаридского государства.

Са'алиби «Ятм ад-дахр»¹³ имеются, например, сведения о том, что он встретил в Бухаре в 382 г. х. (992—993) Абу-л-Хасана Мухаммада ал-Ифрики ал-Мутаййима, который находился в тяжелом материальном положении, хотя и был известным ученым, медиком и поэтом. Ифрики в стихах выражает недовольство несправедливым общественным устройством, разоблачает государственных деятелей, военачальников и крупных феодалов — эксплуататоров вплоть до эмира, накопивших богатства за счет народа. Поэт отказывается возносить молитву Аллаху, покровителю богачей, которого он считает главным виновником несправедливого устройства мира. Беднякам не за что благодарить его. Вот стихи Ифрики¹⁴:

Моя жена порицает [меня] за то, что я перестал молиться
[Аллаху].

Я сказал [ей] «скройся с глаз моих, ты разведена!»
Клянусь Аллахом, я не молюсь Аллаху, обедневшим. Пусть
молятся ему аш-Шейх ал-Джалил¹⁵ и Фаик¹⁶, Таш, Бекташ,
Кунбаш¹⁷ и вслед за ним Наср ибн Малик и другие шейхи-
патриархи.

[Пусть молится] начальник войска Востока и Запада,
у которого туго набитые погреба богатством.
Не удивительно, если молится Нух, потому что ему
по принуждению покорился Восток...
Стану ли я молиться, не обладая ни пядью земли,
которой владеет моя десница? Тогда я воистину лицемер!
Я оставил свою молитву тем, кого я упомянул.
Кто порицает мой поступок, тот глупец [и] простофиля.
Действительно, молитва бедного человека целиком ложь,
лишенная основания.

Несомненно, прав И. Абдуллаев в том, что на мировоззрение поэта Ифрики большое влияние оказывало движение исмаилитов-карматов, распространенное во владениях Саманидов. Но с ним трудно согласиться, когда он утверждает, что «в Иране и Мавераннахре в рассматриваемый период мирно уживались представители различных течений — сунниты и шииты»¹⁸.

Поэт, ученый, суфий Омар Хайам тоже указывал на нестерпимо жалкое положение «азатов». Он писал:

О небо, ты души не чаешь в подлецах!
Дворцы, мельницы и бани в их руках;
А честный просит в долг кусок лепешки черствой...
О небо, на тебя плюнул бы в сердцах¹⁹.

И еще:

Когда б я был творцом — владыкой мирозданья,
Я Небо древнес низверг бы с основанья
И создал новое — такое, под которым
Вмиг исполнились бы все добрые желанья²⁰.

Впервые же отметил тяжелое положение «азатов» и обогащение гулямов эмира Рудаки еще в самом начале X в. в бытность его придворным поэтом:

Ноги их [гулямов] в серебряных стременах,
Ноги благородных мужей не находят чариков²¹.

Поэт с состраданьем отражает в своих стихах нищенское существование труженников села и города: «Как много людей, у которых на столе есть барашек и миндальный пирог. Как много людей, которые не имеют ячменный хлеб, чтобы уто-

¹³ Абдуллаев Исматулла. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X — начала XI в. Ташкент, 1984. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 100—101.

¹⁵ Аш-Шейх ал-Джалил — везир Абул-Хусейн Абдаллах ибн ал-Утби (977—986).

¹⁶ Абул-Хасан Фаик ибн Убейдуллах ал-Хассе — известный политический деятель при дворе Нуха ибн Мансура (976—997).

¹⁷ Абул-Аббас Таш, Бекташ, Кунбаш и Наср ибн Малик — выходцы из гулямов, ставшие военачальниками при саманидском эмире Нухе ибн Мансуре.

¹⁸ Абдуллаев И. Указ. соч. С. 101.

¹⁹ Омар Хайям. Робайят/Сост. Ш. Шамухамедов. Ташкент, 1970. С. 22. Термин «азат» («азада») переведен как «честный».

²⁰ Там же. С. 212. Дословный перевод последней строки: «...легко исполнились бы желанья азадоев».

²¹ Мирзоев А. М. Рудаки: Жизнь и творчество. М., 1968, С. 174. Автор переводит термин «азатгон» как «благородные мужи».

лить голод»²². Из этих строк Рудаки мы узнаем об острых классовых противоречиях в жизни феодального общества. На наш взгляд, поэт, будучи сам из «азатов» — свободных, не мог спокойно видеть, как купленные и обученные военному делу рабы эмира обогащались за счет свободной еще от личной феодальной зависимости части населения — «азатов», диктовали им свою волю, а обнищавшие «азаты» неуклонно шли к закабалению.

Рудаки, защищая интересы «азатов», восхвалял тех, кто оберегал их, в том числе сисанских правителей из династии Саффаридов — Абу Джафара и даже Амра ибн Лейса, который был свергнут Исмаилом Самани:

Возьмет кубок того ароматного вина
И помянет государя Систана...
На радость Абу Джафара Ахмеда, сына Мухаммада,
Того месяца «азатов», гордости Ирана,
Того царя справедливости и солнца времени,
Живы им правосудие и свет в мире...
Этот же царь — из солнца природы Сасана,
Благодаря ему царство мрака обрело свет...
В нем ожил Амр ибн Лейс²³.

Экономическая политика Саффаридов была направлена на ограждение «азатов» от разорения. С этой целью Якуб ибн Лейс приказал не брать харадж с тех землевладельцев, годовой доход которых доходил до 500 дирхемов. Более того, Якуб ибн Лейс велел выдавать им из государственной казны «садака»²⁴. Этот факт даст основание усомниться в категоричном утверждении Б. Г. Гафурова о том, что Якуб ибн Лейс «не уменьшил размер подати, тяжелым бременем ложившейся на землевладельцев»²⁵. Ведь феодалы могли и не выполнить приказ Якуба.

При Саффаридах (861—900) благодаря освобождению от хараджа части народа — обедневших азатов — общая сумма хараджа с провинции Систан уменьшилась и не превышала одного миллиона дирхемов²⁶. При Якубе ибн Лейсе сисанцы не платили ни одного дирхема хараджа в халифскую казну. Он не считал себя обязанным вносить часть собранного хараджа халифской казне, подобно Тахиридам²⁷. Якуб первым из вождей карматов призвал к борьбе против тирании Аббасидов и Тахиридов, объявив открытую войну против халифа. Хотя Якуб не смог победить в этой войне, но дерзость его пошатнула устои халифской власти. Это выразительно проявляло карматский характер государства первых Саффаридов.

При Саманидах, во время Нуха ибн Насра (943—956), харадж Сисанской провинции составлял 942 тыс. дирхемов²⁸, а область Буст не входила в состав провинции и пользовалась самостоятельностью. Дело в том, что в 910 г. Систан вместе с Бустом был завоеван Саманидами, которые требовали уплаты хараджа в сумме свыше миллиона дирхемов и к тому же расквартировывали свои войска по домам местных жителей, что вызвало сильное негодование среди населения Систана. Народ восстал, свергнув саманидского эмира, и объявил эмиром Систана Абу Хафса из потомков Саффаридов²⁹. Борьба эта продолжалась с переменным успехом до 934 г., когда при поддержке Абу Хафса эмиром Систана стал Абу Джафар, который отправил к эмиру Насру ибн Ахмеду его же братьев, т. е. старших сыновей Ахмеда, взятых в плен в Систане, — Абу Закария Яхью, Абу Салих Мансура и Абу Исхак Ибрахима, — с целью поддержать дружеские отношения с Насром³⁰. Рудаки посвятил приведенные выше стихи именно этому эмиру, Абу Джафору.

Указанные факты дают основание усомниться в объективности мнения А. Т. Тагирджанова³¹, который, развивая мысли А. Н. Болдырева³², утверждал, что Наср ибн Ахмед и окружавшие его поэты, ученые, везиры не испытывали влияния

²² Там же.

²³ Тарихи Систан (История Систана)/Перевод, введение и комментарии Л. П. Смирновой. М., 1974. С. 305—307. Амир ибн Лейс правил Саффаридским государством в 876—900 гг.

²⁴ Тарих-и Систан... С. 268; перевод, с. 257—258.

²⁵ Гафуров Б. Г. Таджики (древнейшая, древняя, средневековая истории). М., 1972. С. 337.

²⁶ Тарих-и Систан... С. 297; перевод, с. 289.

²⁷ Там же. С. 30; перевод, с. 30. При Тальха ибн Тахире в 827 г. общая сумма хараджа Систана составляла 3811 тыс. дирхемов, часть которых Тахириды отсылали халифской казне.

²⁸ Мукаддаси. С. 340. *Discriptio imperii moslemici auctore Schamso'd-din Abu Abdo'l-ah Mohammed ibn Ahmed ibn Abi Bekr al-Banna al-Basschari al-Mokaddasi*/Ed. M. J. de Goeje. Lugduni—Batavorum, 1877; ed. 2. 1906 (BGA, III).

²⁹ Тарих-и Систан... С. 295; перевод, с. 282—283; Ибн ал-Асир. Т. VIII. С. 5.

³⁰ Тарих-и Систан... С. 314; перевод, с. 301. Прим. 864, 866.

³¹ Тагирджанов А. Т. Рудаки: Жизнь и творчество. История изучения/Под ред. проф. А. Н. Болдырева. Л., 1968. С. 163—169; 197—219; 222—229 и сл. д.

³² Болдырев А. Н. Был ли Рудаки исмаилитом//Archiv Orientalni. 30(4).

исмаилитско-карматской идеологии. Более того, А. Т. Тагирджанов подвергал сомнению распространенность этой идеологии среди народных масс Систана, Хорасана, Мавераннахра, а также происходившие в этих странах под влиянием карматской идеологии народные движения. «Следует думать,— писал А. Н. Болдырев,— что еретические отклонения Рудаки от господствовавшей догмы не шли дальше обычного шиизма — не более, как это, впрочем, хорошо видно из всех приписанных ему высказываний на религиозно-политическую тему. Только такими были, вероятно, и отклонения большинства просвещенных людей эпохи — Абул Фазла Балами и других «карматов», а затем самого Фирдауси»³³.

Обратимся, однако, к фактам. Во-первых, возникновение секты исмаилитов было связано с расколом в среде имамитов (шнитов). Имам Джафар Садык отстранил старшего сына Исмаила от наследственного имамата из-за пристрастия его к вину. Часть шнитов, однако, продолжала считать наследником имамата Исмаила, говоря, что, поскольку имамы непогрешимы, питье вина для них дозволено. «Действительной причиной раскола,— писал И. П. Петрушевский,— вероятно было стремление более радикальных элементов среди шнитов к активным действиям, ибо ко времени утверждения династии Аббасидов восточные области халифата были охвачены народными движениями. Так появилась новая ветвь шиизма, последователей которой стали называть исмаилитами»³⁴.

Рудаки, как мы видим, воспевал пир, где Наср и его придворные пили вино. В этом поступке Насра ибн Ахмсада, на наш взгляд, можно усматривать его склонность к идеологии исмаилитов. Во-вторых, Рудаки воспевал образ жизни и правления эмира Абу Джафара. Поэт сравнивал его с луной, озарившей азатов, видел в нем оживший дух Амара ибн Лейсы. Такое утверждение было близко к признанию переселения душ. Вместе с тем оно указывает на склонность поэта к поддержке экономического курса Абу Джафара, продолжившего хараджную политику Амра и Якуба, объявленного Аббасидами исмаилитом-карматом. Следовательно, у нас есть основание полагать, что Рудаки и его покровитель Наср ибн Ахмед питали симпатии к социальной программе исмаилитов-карматов.

Наконец, последний, самый веский довод А. Н. Болдырева: «Развивая обычный исмаилитский тезис о том, что истинное знание является исключительной прерогативой исмаилитского учения, Мухаммад ибн Сурх приводит в качестве примера ложного и необоснованного притязания на истинное знание высказывания трех поэтов X в.— шахида Балхи, Абу Тайиба Мусаби и Рудаки. О Рудаки при этом говорится текстуально так: «А Рудаки сказал: «Тайна мудрецов Хорасана принадлежит мне! А [в действительности] не было [у него этой тайны], ибо если бы была, то он бы царствовал [над людьми]!»³⁵ Эти слова Мухаммада ибн Сурха с достаточной ясностью показывают, что исмаилиты не считали Рудаки своим единомышленником»³⁶.

Несомненно, прав А. Н. Болдырев в том смысле, что ни Рудаки, ни шахид Балхи, ни Абу Тайиб Мусаби не считали себя имамами исмаилитов, обладающими «тайным знанием». Исламоведы выделяют несколько степеней посвящения членом секты в тайны исмаилитского учения. «Масса верующих обычно не поднималась выше первой, редко второй степени. Члены секты третьей и четвертой степени составляли избранную верхушку — элиту секты. Но для них, разумеется, были недоступны три высших ступени — имама, самита и натика. В секте господствовала строгая дисциплина, и степеней посвящения у карматов, по преданию, были установлены Абданом. Сперва их было семь, потом девять. названия этих степеней передаются у разных авторов различно,— но они иные, нежели у фатимитских исмаилитов. У карматов член секты, достигший четвертой степени, давал клятву развестись с любимой женой, если откроет кому-либо тайны секты. Члены секты знакомы с карматской доктриной по особой программе ...Тайное эзотерическое учение»³⁷ изучалось членами пяти высших степеней. Из-за этой тщательно разработанной системы обучения (ар. та'алим) адептов карматы известны были также под именем та'алимийа (ар.)³⁸.

Во-первых, сомнительно, чтобы Рудаки, нарушая запреты, оглашал «тайны секты», «тайны мудрецов в Хорасане».

Во-вторых, если Рудаки действительно написал приведенные выше стихи, то употребление в них самого слова «тайны» дает основание полагать, что Рудаки был посвящен в тайны секты как один из членом секты карматов пяти высших степеней. О существовании у них тайной и явной доктрины знали и непосвященные, а потому исмаилитов обеих ветвей именовали также батынитами (араб. батынийя). Уже со второй половины IX в. батынитов стали именовать карматами.

Прага, 1962. С. 541—542.

³³ Там же. С. 542.

³⁴ Петрушевский И. П. Ислам в Иране... С. 279.

³⁵ Болдырев А. Н. Указ. статья. С. 542.

³⁶ Там же.

³⁷ Эзотеризм — общий термин для обозначения тайных, сокровенных религиозных учений, открываемых лишь немногим избранным.

³⁸ Петрушевский И. П. Ислам в Иране... С. 289—290.

Активные участники народных движений того времени находились под воздействием карматских учений.

В области философии карматизм был связан с известным философским кружком «чистых братьев» (ихван ас-сафа) и оказывал влияние на философские построения Фараби (ок. 870—950), Ибн Сины (980—1037) и др.

По словам А. Ю. Якубовского³⁹, Ибн Сина был знаком с исмаилитским учением еще с детства. Отец Ибн Сины был одним из активных проповедников исмаилизма в Бухаре, где большую роль играли саррафы, имевшие связи с деловыми: финансовыми кругами во времена эмира Насра ибн Ахмеда (913—943). Ибн Сина в своем трактате «Об определениях»⁴⁰ подробно писал о разуме, о мировом разуме, мировой душе, душе вселенной — все это ярко показывает совпадение воззрений Ибн Сины с идеологией исмаилитской секты.

Прогрессивные идеи, рожденные на заре феодализма в классовых боях народных масс со своими эксплуататорами, передавались от поколения к поколению и влияли на мировоззрение передовых ученых, которые смогли не только сохранить эти передовые идеи того времени в своих сочинениях, но и вооружать ими вождей новых народных движений, направленных против феодального гнета.

Т. Кадырова

³⁹ Якубовский А. Ю. Ибн Сина // Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилею Ибн Сины. Ташкент, 1953. С. 13.

⁴⁰ Трактат «Об определениях» Ибн Сины (перевод с арабского А. Шарипова и Х. Джанматовой, предисловие А. Шарипова) // ОНУ. 1980. № 8—9. С. 112—114.

ФАРАБИ КАК ЛИТЕРАТОР И ФИЛОЛОГ

Выдающийся среднеазиатский философ, мыслитель-гуманист Абу Наср Фараби (873—950) был одним из замечательных литераторов и филологов. Средневековый арабский ученый-библиограф Ибн Аби Усайбиа (1203—1270) сообщает, что «Фараби иногда писал и стихи»¹. До нас дошла часть его поэтического творчества, фрагменты из его многочисленных стихотворных произведений, написанных как на фарси, так и на арабском языке. В одном из стихотворений Фараби писал:

«С двумя стеклянными сосудами — провожу я жизнь,
На них построил я все дела свои.
Один сосуд наполнен чернилами,
Другой наполнен вином.
С помощью одного составляю я свод мудрости,
С помощью другого отгоняю тоску от сердца»².

Фараби был также языковедом. Ряд своих трудов он посвятил вопросам языка, в частности, словообразований. Ему принадлежат такие сочинения, как: «Китаб ал-алфаз ва ал-хуруф» («Книга о выражениях и звуках»), «Китаб фи-л-лугат» («Книга о языках»), «Китаб фи синаат ал-китаба» («Книга об искусстве письменности»), ряд философских трактатов, как «О значении слова «философия» или комментарий к книге Аристотеля «Герменевтика», где отражен широкий диапазон познаний Фараби в области филологии. Произведению Аристотеля «Герменевтика» («Об истолковании») Фараби посвятил специальный труд — «ал-Ибара», где большое место уделяется проблемам языка, грамматики и лексики. Многие вопросы прокомментированы и изложены там с точки зрения арабской грамматики³.

В своем произведении «О классификации наук» Фараби разделяет науку о языке сначала на две части: 1) запоминание слов и знание того, что каждое из них означает; 2) знание законов, управляющих этими словами.

По утверждению Фараби, слова в языке каждого народа по своему значению бывают двух видов: простые и сложные. Простые, указывающие на род и вид, делятся на имена, глаголы и частицы. Именам и глаголам присущи род, число и время⁴.

¹ Ибн Аби Усайбиа. Уюн ал-анба фи табакат ал-атибба (Источники сведений для познания разрядов врачей). Бейрут, 1957. С. 227. О стихах Ибн Сины на арабском языке см. там же. С. 227—230. О самом Фараби подробно см.: Хайруллаев М. М. Абу Наср ал-Фараби. М., 1982. 304 с.

² Абу Наср ал-Фараби. Ал-маджмуъ (Сборник трактатов). Ал-Кахира, 1907. С. 12; Хайруллаев М. М. Абу Наср ал-Фараби. С. 137; Ирисов А. Форобий адиб. Тошкент, 1975. 22 б.

³ Ибн Аби Усайбиа. Указ. соч. С. 230—233; Абу Наср Форобий. Шейр санъати. Тошкент, 1979. С. 54—61.

⁴ Ал-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 110—111.

Далее он делит науку о языке каждого народа еще на семь подразделов, причем каждый подраздел называется отдельной наукой. Так, по его представлениям, наука должна быть: (1) о простых словах и наряду с этим (2) наука о законах простых слов; (3) наука о словосочетаниях и наряду с этим (4) наука о законах словосочетаний; (5) наука о законах письма, правописания; (6) наука об орфоэпии, т. е. законах правильного произношения слов, и, наконец, (7) наука о правилах стихосложения⁵.

Фараби дает каждому из этих подразделов соответствующие разъяснения.

Например, наука о простых словах содержит в себе, по Фараби, знание того, что означает каждое из отдельных слов, указывающих на вид и род вещей: запоминание и изложение их всех, характерное для данного языка, а также для заимствованных, редких и общеизвестных слов.

О словосочетаниях Фараби пишет: «Наука о словосочетаниях — это знание составных речений, встречающихся у данного народа, знание того, кто создали их знаменитые ораторы, поэты, риторы, передавая и запоминая все их творения, безразлично длинны они или коротки, имеют ли стихотворный размер или нет»⁶.

Фараби пишет о законах простых слов, в сфере которых изучают звуки речи, а также из каких голосовых органов исходит каждый звук: гласные звуки, какие из них входят в состав данного языка и какие не входят; минимальное и максимальное количество гласных, необходимых для произношения слова, имеющего значение; постоянные звуки речи, которые не изменяются при построении слова с суффиксами как двойственного числа, присущего арабской грамматике, так и множественного числа, при образовании рода или производных; звуки речи, которые меняют аффиксы.

Далее Фараби утверждает, что наука о законах простых слов дает правила, по которым строятся модели простых слов; они, в свою очередь, подразделяются на производные и непроизводные. Фараби дает образцы видов производных слов, которые, в свою очередь, подразделяются и от которых образуются отглагольные имена и глаголы. Эта наука, согласно Фараби, указывает также, какие изменения происходят в глаголе, когда он воспринимает определенный вид, род и число. Эта наука изучает и труднопроизносимые слова: как и в каких случаях их следует произносить и как облегчить их произношение.

Далее Фараби делит науку о законах словосочетаний на две части: 1) правила аффиксов имен и глаголов при их оставлении и построении; 2) правила об условиях их составления и построения, каковы они в данном языке, знание правил аффиксов, свойственных синтаксису. Эта наука дает также понятие того, что аффиксы прежде всего свойственны именам, затем глаголам. Фараби останавливается также на суффиксах, аффиксах, префиксах и частицах, говорит о том, какую роль они играют при употреблении в словосочетании, какие сочетания и расположения наиболее красноречивы в данном языке⁷.

Выделяемая Фараби наука о законах письма подразделяет звуки речи на: 1) те, которые нельзя записать, и 2) те, которые можно записать.

Абу Наср Фараби писал труды и по литературоведению. В его произведениях: «О поэзии и о рифмах», «Книге о поэзии», «О канонах искусства поэтов» и др. — отражены литературоведческие взгляды ученого⁸.

В своем трактате «О канонах искусства поэтов» (или «О канонах искусства поэзии») Фараби разъясняет сущность «Поэтики» Аристотеля, литературные жанры у греков, приводит соответствующие объяснения и толкования арабоязычным читателям из арабской и персидской поэзии.

По Фараби, поэтические суждения можно классифицировать на основе размеров или фабул. Классификация на основе размеров относится к сфере исследования музыканта или аруди, т. е. специалистов по теории поэзии, и зависит от языка, на котором составляются эти суждения, и рода музыки, к которой они относятся. А научная классификация на основе фабул относится к области исследования толкователя символов, интерпретатора поэзии, исследователя поэтических идей, лица, изучающего поэзию различных народов и школ. Есть специалисты, говорит Фараби, которые изучают арабскую и персидскую поэзию и пишут книги по этому предмету. Они делят произведения поэзии на сатирические, панегирические, комические, лирические и т. д. «Большинство поэтов прошлых и настоящих народов, о которых мы имеем какие-либо сведения, не делают различия между размером и фабулой и не предписывают специального размера для каждой разновидности поэтической темы.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 112.

⁷ Там же. С. 115—116.

⁸ Арабский текст произведения «О канонах искусства поэзии» Фараби издан арабским ученым Абдурахманом Бадави в Каире в 1953 г. вместе с «Поэтикой» Аристотеля и др. См.: Аристотулос. Фанн аш-Шеър, маа-т-таржумат ал-арабия ал-кадима ва шурух ал-Фараби ва Ибн Сина ва Ибн Рушд. ал-Кахира, 1953. С. 147—158. Арабский текст «Книги о поэзии» Фараби найден в Братиславе (ЧССР), но пока не издан (см.: MS-231, TE-41, лл. 274а—276а), а текст рукописи произведения Фараби «О поэзии и о рифмах» еще не найден.

Единственным исключением в этом правиле являются древние греки. Они имели определенный размер для каждого вида поэзии⁹.

Фараби пишет о разнообразии поэтического творчества, об истинных поэтах и поэтах, которые подражают другим. Он подразделяет всех поэтов на три категории:

1. Поэты, обладающие природным дарованием и способностями, создающие талантливые стихи в большинстве жанров поэзии или в одном определенном жанре. Такие поэты иногда хорошо придумывают сравнения, гиперболы, метафоры, но вместе с тем бывает, что они не последовательны в данном искусстве и не знакомы с искусством поэзии в должной мере, а довольствуются прекрасным своим природным дарованием и склонностью излагать то, к чему они предрасположены. Такие поэты, по Фараби, не являются истинными, ибо у них отсутствует совершенство изложения и нет прочных основ в данном искусстве.

2. Поэты талантливые, хорошо знакомые с искусством поэзии, которым не чужды ни одно из средств выражения, ни один из канонов поэзии; они осведомлены о поэтическом искусстве и мастерстве. Такие поэты обладают прекрасной способностью придумывать и сравнения, и метафоры. Этих поэтов Фараби считает настоящими и перспективными.

3. К третьей категории относятся поэты, которые подражают поэтам первых двух групп, их творчеству, используют их сравнения и метафоры, причем они не обладают никакими поэтическими дарованиями, врожденными качествами и способностями и не отличаются своим пониманием канонов данного искусства. Именно сред поэтов категории наиболее часты упущения и ошибки¹⁰.

Фараби замечает, что творения поэтов каждой из трех групп могут создаваться или «по природе», или по принуждению. Может случиться так, что обстоятельства потребуют от человека, одаренного талантом к созданию панегирика, чтобы он написал сатирические стихи либо стихи какого-то иного жанра. Человек в силу обстоятельства будет вынужден заняться таким жанром, которым он не овладел, и создаст стихи по принуждению, внутреннему или внешнему. По Фараби, «самая прекрасная поэзия это та, которая создается по природе»¹¹.

При создании стихотворений, продолжает Фараби, душевные состояния поэтов отличаются по степени их совершенства и несовершенства. Это зависит либо от идей, либо от темы. Что касается идей, то они бывают более полезными в одно время, чем в другое, ибо необходимые душевные качества испытывают то подъем, то упадок.

Иногда, говорит Фараби, случайно занимающийся искусством человек создает исключительно блестящие стихи, с которыми трудно соперничать специалистам. Но это происходит в силу чистой случайности, и такой человек не может быть назван настоящим мыслящим поэтом¹².

Определяя роль мастерства в искусстве, Фараби пишет: «Искусство поэзии оперирует суждениями, искусство живописи — красками, и в этом их различие, но на практике оба создают подобию и оба нацелены на то, чтобы представить в воображении и чувствах человека подражания»¹³.

Оригинален небольшой трактат Фараби по литературоведению — «Книга о поэзии». Он посвящен анализу правил сложения поэтических произведений. По правилам стихосложения, они должны оканчиваться на известные или традиционные словесные выражения и подражать вещам, о которых речь идет. Стихи должны быть ритмичны, поделены на части; количество частей и окончаний должно быть определенным с точки зрения ритма, одинаковым по времени их произнесения и гармоничным. Простое высказывание становится стихом, когда оно уложено в стихотворный размер и поделено на части, которые произносятся в равные промежутки времени. Если оно состоит из того, что подражает вещи и не уложено в стихотворный размер, не имеет ритма, то это не стихи, а поэтическое высказывание.

Соблюдение остальных правил стихосложения, говорит далее Фараби, считалось древними поэтами не обязательным, тогда как это делало поэтическое произведение совершенным и величественным.

Фараби замечает далее: «Подражания могут легко применяться в области риторики... Возможно, многие ораторы, владея от природы способностью к поэтическим высказываниям, совершали ошибку, используя подражания чаще, чем того требовала риторика. Высказывания этих ораторов не принимались на веру и воспринимались многими людьми как риторические преувеличения, тогда как в действительности эти высказывания являлись поэтическими и представляли собой отклонение этих ораторов от области риторики в область поэзии.

Многие поэты также обладали природным даром к убеждающим высказываниям. Они сочиняли эти высказывания и укладывали их в стихотворный размер, вследствие чего эти высказывания воспринимались многими людьми как стихи, в то время как в действительности они являлись риторическими высказываниями и пред-

⁹ А л - Ф а р а б и. Логические трактаты. Алма-Ата, 1975. С. 533—534.

¹⁰ Там же. С. 538—539.

¹¹ Там же. С. 540.

¹² Там же. С. 541.

¹³ Там же. С. 542.

ставляли собой отклонение этих поэтов от области поэзии в область риторики. Многие ораторы в своих речах сочетают эти два момента. Так же обстоит и у многих поэтов»¹⁴.

В своем произведении «О классификации наук» Фараби тоже касается вопросов поэтики и разделяет их на три части:

1. Перечисление употребляемых стихотворных размеров, будь то простые или сложные. Перечисление построений звуков речи, совпадающих с буквами азбуки, возникающих от каждого их вида и каждого размера. Изучение размеров стихов и полустихий: из скольких звуков речи и слогов состоит каждый стих в каждом размере; отличие полных размеров от неполных; выяснение, какие еще размеры лучше, красивее и приятнее для слуха.

2. Рассмотрение окончаний стихов в каждом размере, какие из них обладают лишь одной формой, а какие несколькими; какие из них полные, какие — сверхполные; какие окончания состоят из одного только звука, сохраняющегося на протяжении всего стихотворения, а какие имеют больше чем один звук речи, повторяющийся в поэме; какое максимальное число звуков допустимо у них в окончании стихов. Можно ли одни звуки заменить другими, равнозначными по времени произнесения их, или нет и какие из них заменимы такими звуками.

3. Выяснение того, какие слова можно использовать в поэзии, но нельзя использовать в прозаической речи¹⁵.

Произведения Фараби являются, таким образом, важным источником как в изучении поэзии, так и поэтики его времени и вместе с тем свидетельствуют о многогранности его таланта, глубине и широте познаний великого ученого в различных аспектах филологической науки.

А. Ирисов, Х. Джанматова

¹⁴ Там же. С. 549—550.

¹⁵ Ал-Фараби. Философские трактаты. С. 116—117.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

МИНИАТЮРЫ К КАШМИРСКОМУ СПИСКУ «ТАЗКИРАТ АЛ-АВЛИЯ» Ф. АТТАРА

Памятники средневекового искусства несут обширную информацию о системе миропонимания, мироощущения людей своего времени. На Среднем Востоке важную роль в понимании и истолковании мира и места в нем человека сыграло учение суфизма. Это мистико-еретическое, философско-религиозное течение возникло как протест против пороков феодальной социальной системы. И хотя в области гносеологии, онтологии, космологии и космогонии суфизм не смог выйти за рамки мистического учения, несомненной заслугой его был вклад в сокровищницу общегуманистических идей.

Основные положения теории суфизма складывались и развивались на протяжении IX—XII вв. К началу XIV в. уже были созданы все основополагающие труды по философии суфизма. Хотя единого суфизма никогда не было (в нем было много течений), известные элементы общности все же сложились. Суфизм признавал наличие в природе высшего начала, единого бога, но вместе с тем усматривал в человеке венец творения и утверждал, что он рожден для вечной жизни — «бако»¹.

Гуманистические, демократические тенденции суфизма обнаруживаются в повышенном интересе к простому человеку с его чаяниями и нуждами. Суфии заявляли о своем презрении к системе угнетения человека человеком со всеми вытекающими отсюда пороками, к богатству, роскоши, племенным и прочим распрям. Безправственность феодального образа жизни побудила суфиев провозгласить высшим принципом жизни нравственность, необходимость скромности, терпения, щедрости, честности и т. п.

Общей для всех течений суфизма была идея, концепция «пути» совершенствования человека, ведущего к слиянию его с богом².

Сложности осмысления, тем более практического осуществления их идей стимулировали непрерывность нравственно-религиозных исканий суфиев, их повышенный интерес к психологическим, этическим и религиозно-эстетическим проблемам.

В своих идеалах совершенства суфии пренебрегали, однако, многими сторонами человеческой природы, их требования самоотречения охватывали все основные стороны жизни человека и формировали схимный стиль жизни³.

¹ Курбанмамадов А. Эстетическая доктрина суфизма. Душанбе, 1987, С. 20.

² Бертельс Е. А. Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 37.

³ Курбанмамадов А. Указ. соч. С. 4—5.

Е. Э. Бертельс, подчеркивая важность суфийской идеологии в духовной жизни средневекового Востока, отмечал: «Без изучения суфийской литературы получить представление о культурной жизни средневекового мусульманского Востока нельзя, тем более, что почти все крупнейшие авторы мусульманского Востока, за редкими исключениями, так или иначе связаны с суфизмом и без знакомства с этой литературой понятия быть не могут»⁴.

В этой связи представляет интерес рассмотрение тех воззрений суфийского учения, которые наложили отпечаток на мышление поэтов и художников Ближнего и Среднего Востока.

В средние века в указанном районе одним из наиболее популярных был жанр житийных сочинений, в которых в яркой, доступной форме пропагандировался путь духовного совершенствования по суфийскому образцу, занимательно описывались чудесные события из жизни и подвижнической деятельности знаменитых и просто известных суфиев, «святых» богословов, государственных деятелей, «влюбленных в бога», переживавших с историями легендарных идеальных влюбленных — Юсуфа и Зулейхи, Лейли и Меджнуна, Фархада и Ширин (любовь мужчины к женщине в суфизме символизировала мистическую любовь к Абсолюту).

Жизнеописания наиболее авторитетных суфиев-шейхов обычно состояли из двух родов сведений — биографических данных (причем достоверные сведения могли дополняться фантастическими легендами и преданиями) и некоторого количества изречений идеологического характера — метких слов, реплик, замечаний и т. д., касающихся их личности и деятельности⁵. Особое внимание при этом уделялось моменту «обращения» героев, их вступлению на путь праведности. Момент этот драматизировали, подавая его в виде глубочайшего душевного потрясения и мгновенного перелома в мирозерцании человека⁶. На этом переплетении реального и необычного, странных и эксцентричных поступков, необычных суждений праведников лежит печать исторической атмосферы, окрашенной верой в чудеса, заряженной ожиданием сверхъестественных событий.

Функция жития — сохранить свидетельства о «святых», чудесных фактах их жизни в назидательных, пропагандистских целях. Каждый из описываемых героев, хотя и имел своего исторического прототипа (вымышленных, обобщенных образов житийная литература феодализма не знает), но действовал согласно официальному идеалу, этикету своей среды.

Поскольку сюжеты иллюстраций житийных произведений еще мало привлекали внимание исследователей⁷ в плане изучения значимых для духовной жизни Среднего Востока положений суфизма, обратимся к щедро иллюстрированному списку жития, хранящемуся в фонде ИВ АН УзССР (инв. № 2103), — «Тазкират ал-авлия» («Сведения о крупнейших «святых»). Автор — известный персидский мистик-поэт Ф. Аттар (ум. ок. 1230 г.). Список выполнен в 1787 г. в Индии. Содержавшиеся в нем 52 миниатюры исполнены в кашмирском стиле.

Произведение Ф. Аттара было широко известно не только в Индии, но и в Иране и Средней Азии, и многократно переписывалось.

Оформление рассматриваемого списка примечательно тем, что иллюстрации начинаются уже на переплете. На правой внутренней стороне его изображена сцена из очень популярной не только в житийской литературе сюжет — о любви шейха Сонаиа к красавице-христианке (сюжет вошел в ряд произведений литературной классики Среднего Востока, в том числе в «Хамсу» Навои). Сам сюжет — беспрекословное исполнение влюбленным шейхом всех требований его возлюбленной (вплоть до отречения от собственных убеждений и отступления от установленных ислама, как-то: употребление вина, пастьба свиней и пр.) — вполне укладывается в требования тариката при том условии, что любовь мужчины к женщине будет пониматься как любовь к высшему началу. В истории этой любви последовательно просматриваются ряд ступеней тариката, этапы совершенствования — «зухд, сабр, рида, мухабба».

На описываемой миниатюре изображен шейх Санан, стоящий перед домом, с балкона которого его возлюбленная (в индийском сари, с приподнятой рукой) обращается к шейху, ставя свои требования.

На второй внутренней стороне крышки переплета изображен другой важный сюжет, имеющий непосредственное отношение к распространенной суфийской символике: танец шейхов на открытой террасе перед белораморным павильоном. Танец в суфийском учении приобрел значение религиозного ритуала, приводящего танцующего в иступление, экстаз, во время которого якобы и наступал столь возжеланный момент мысленного слияния с богом. В поэзии подобное понимание танца встречается довольно часто, как, например, у Саади:

⁴ Бертельс Е. Э. Указ. соч. С. 54.

⁵ Там же. С. 296.

⁶ Там же. С. 189.

⁷ См.: Пугаченкова Г. А. Неизвестные среднеазиатские миниатюры двух лицевых манускриптов // Памятники культуры: Новые открытия. Исследования: Ежегодник. 1978. Л., 1979; Искусство оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII—XIX вв.: Художественные черты и стилистические особенности. Ташкент, 1982.

«Видал ты дервишей летящий круг?

Что означают эти взмахи рук?

Знай: в дверь они глядят иного мира,

Отмахиваясь от земного мира».

(Бустан. С. 226)

На террасе под звуки мелодии, исполняемой двумя музыкантами, танцуют два суфия. Третий, седобородый старец, утомившись, уже лежит в бессознательном состоянии. У верхней ограды в трехчетвертном повороте друг к другу сидят седобородый шейх в зеленом одеянии, с книгой в руке, и внимающая его словам красавица в индийском сари.

В цикле иллюстраций подобного жанра, особенно «диванов», этот сюжет использовался для иллюстрирования лирических сюжетов, сцен свидания и бесед лирического героя с возлюбленной. Данная пара собеседников в значении двух влюбленных вполне вписывается в символический подтекст суфийского сюжета.

Обратимся к иллюстрациям самого текста, чтобы проследить, какие же сюжеты суфийского учения иллюстрировались на миниатюрах.

Все миниатюры своим содержанием связаны с представлениями и предписаниями суфийской доктрины о праведном пути жизни: они иллюстрируют известные деяния, поступки, изречения видных подвижников суфизма.

Например, одним из требований тариката был отказ от земных благ, жилища, забот о пище, завтрашнем дне, от всего, что не проистекает от бога. Одним из проявлений исполнения этого требования было отшельничество — добровольный уход от мирской жизни. Миниатюра на л. 476 посвящена отшельнику Фазил Аязу. Однако в данном случае жизнь вносит свои коррективы в методы претворения суфийских идей в жизнь — отшельника... кормят разбойники⁸. Тем самым они как бы «отмывают» деньги, добытые злодеянием, а седобородый отшельник почтенного вида принимает эти нечистые дары в поддержку своего благочестия. Так реальная жизнь вторгается в благочестивые построения и обнаруживает их неприглядную изнанку.

Подвижники жили на добровольные пожертвования людей, не обременяя себя, по правилам тариката, заботой о завтрашнем дне. В то же время требование проявления милосердия относилось в полной мере и к ним. Миниатюра «Гости у Рабии-подвижницы» отражает оба положения — милосердие к нищему со стороны Рабии (Рабия отдает ему лепешки), а в свою очередь, она принимает в качестве добровольного пожертвования пищу со стороны «одной женщины» (л. 41а).

Помощь мудрым советом относилась к благотворительным функциям подвижников. Кстати сказать, хорошо оплачивавшимся нуждавшимся в таком совете. В миниатюре на л. 392а звучит призыв приносить дары и пожертвования подвижникам за их «бескорыстные» благодеяния. Перед сидящим на открытой террасе седобородым старцем стоит со сложными впереди, как бы в жесте просьбы, руками красавица. Перед ней на ковре лежит несколько свертков принесенных в знак благодарности даров.

Отказ не только от жилища, одежды, пищи, но и от женщин входил в условия этапа «зухд» тариката. Этот тезис суфизма отражен в миниатюре «Мухаммед Мурташ и его жена» (л. 241б). В самом исламе обета безбрачия нет, как и монашества, и это нашло свое отражение в ситуации, описанной в сюжете. Некий Мурташ ходил по улицам Багдада, где встретил красивую девушку и женился на ней. Но когда она попросила его исполнить свои супружеские обязанности, Мурташ оставил ее и ушел из дома. Такое странное завершение естественной жизненной ситуации объясняется влиянием суфийского учения. На миниатюре в узорчатом белораморном интерьере на ковре, опустив голову, сидит красавица в золотистом одеянии. Перед ней, повернувшись к ней спиной, стоит, также склонив голову, чернобородый мужчина.

Известно, что решившего следовать путем тариката должен был наставлять учитель, проявивший себя на пути праведной жизни. Одна из миниатюр изображает сцену наставления мурида-ученика Мансура Халладжа его учителем, Джунайдом Багдади (л. 294б). Художник изобразил двух собеседников, сидящих в белораморном интерьере. На столике перед одним из собеседников — седобородым старцем — лежит книга. В комнате присутствуют еще пятеро мужчин-муридов.

Одной из социальных задач подвижников было наставление сильных мира сего (словом и жизненным примером) справедливому, мудрому и милосердному правлению. Отсюда популярность таких тем, как «Правитель и мудрец», «Правитель и дервиш», «Шах и нищий», а также близкая им тема «Правитель и поэт». Миниатюра «Абу Али Шакик и Харун ар-Рашид» (л. 119а) посвящена как раз теме призыва Шакика к легендарному Харуну ар-Рашиду — быть справедливым и милостивым.

Для себя подвижники отвергали всякую светскую жизнь, считали невозможным заниматься делами административного управления, судейства и прочими заня-

⁸ Автор воспользовался текстом перевода произведения, выполненным ст. н. с. ИВ. АН УзССР А. Мадраимовым.

тиями, в которых могло проявиться давление несправедливости. Миниатюра «Три мудреца и халиф» посвящена отказу мудрецов от предложения халифа назначить одного из них судьей» (л. 122а). Перед жестикулирующим чернобородым правителем сидят в ряд три мудреца, один из которых жестами сопровождает отрицательный ответ правителю.

Приверженцы суфизма считали в общем-то ненужной процедуру исполнения религиозных отправлений, молитв, посещений мечетей, священных мест, даже Каабы; они проповедовали поиски бога-истины в своем сердце. Истинно влюбленный в бога составляет столь нераздельное единство с ним, что ему нет надобности ходить далеко, а в противном случае посещение каких угодно святых мест не приблизит идущего к цели. Чтобы достичь такого состояния, человек должен порвать с обществом, жизнь которого отвлекает от единственно важных мыслей о возлюбленном боге и мешает духовному соединению с ним. В рассматриваемом цикле есть миниатюра, посвященная этому сюжету: «Человек, собирающийся съездить Мекку» (л. 378б). Сюжет: некто собрал в Мекке дрова. На вопрос, зачем он это делает, собравший ответил: «Хочу съездить Мекку, чтобы глупцы не беспокоили бога». На миниатюре группа мужчин наблюдает, как перед зданием мечети на зеленой равнине горит огонь.

Зуннун Мисри получает от рыб жемчуг: Миниатюра из кашмирского списка «Тазкират ал-авлия» Ф. Атгара (рпк. ИВ АН УзССР, инв. № 2103, л. 72а).

Одним из требований тариката была рекомендация странствий в поисках Истины, духовного совершенствования. Практическая реализация этого требования, при соблюдении других условий сурового аскетизма, была сопряжена с немалыми трудностями, выполнимыми не для всех. Одна из миниатюр — «Фатх Мусли в мечети» (л. 394б) — посвящена этой теме. По сюжету, когда Фатх Мусли сидел в мечети с друзьями, к ним подошел некий юноша и спросил: «Знаете ли вы, что бедным трудно живется на чужбине?» В миниатюре к группе мужчин, сидящих в узорчатом интерьере, в трехчетвертном развороте двух рядов, обращается юноша, стоящий в левом (страдательная позиция) углу, в голубом (цвета печали) халате и кулахе (головной убор дервиша).

Стремление совершенствовать свой дух и природу, интенсивная и напряженная работа мысли, физические и моральные усилия вырабатывали в ряде натур необычайную чувствительность. Ее заметили и стали специально стремиться к ней. Она становится желанной приметой изысканной утонченности духа, природы. Миниатюра «Абулхусайн Хизри и Ахмад» (л. 354б) иллюстрирует эту ситуацию. Некий Ахмад из Хорасана хотел встретиться с подвижником Абулхусайном Хизри. Но когда тот явился, Ахмад потерял сознание, ибо до этого совершил неэтичный поступок. На берегу водоема на зеленой равнине лежит упавший на спину без сознания мужчина в чалме, над которым простер руку удивленный старец.

Однако самое большое число миниатюр посвящено теме «чудес», которые совершались известными подвижниками или следовали свыше за их подвиги. Так, из 52 миниатюр изучаемого списка теме «чудес» посвящено 18, тогда как иным темам — в среднем по одной-две миниатюры. Ряд миниатюр посвящен свершению «чуда» подвижниками или их муридами (по указанию наставников) в воде или огне. Например, миниатюра «Башар Хуфи ходит по воде» (л. 67б) посвящена эпизоду, когда этот подвижник, торопясь совершить молитву, якобы перешел реку по поверхности воды, не замочив ноги. На миниатюре показано, как по воде идет чернобородый босоногий мужчина.

Миниатюра «Зуннуу Мисри рыбы предлагают жемчуг» (л. 72а) относится к тому эпизоду в тексте, когда путешествовавшего на лодке подвижника обвинили в краже жемчуга. Тогда он помолвился и многочисленные рыбы, высунувшись из воды, предложили ему по жемчужине. Одну из них Мисри передал человеку, у которого пропала жемчужина. На миниатюре изображена в профильном повороте корпуса лодка, на борту которой — восемь мужчин. К сидящему в центре лодки старцу подплывают высунувшие из воды головы крупные белые рыбы. К одной из них старец протягивает руку.

Сюжет к миниатюре «Шафи Матлуби сидит на воде» (л. 128а) повествует о том, что однажды на диспут христиан с учеными явился подвижник Шафи и, постелив коврик на воде, сел на него. На миниатюре изображен сидящий на коврике, расстеленном на поверхности реки, старец в чалме. На берегу, в отдалении, на открытой террасе беломраморного павильона, восседает правитель в окружении двух слуг.

Во всех этих и аналогичных сюжетах, типа «Хатр Нассадж на берегу реки» (л. 254а), «Ибрахим Шайбани совершает омовение» (л. 333а), подвижники свободно ходят по воде или сидят на коврике на воде; в критических ситуациях (в основном когда их обвиняют, скажем, в воровстве) они обращаются с молитвой к богу и рыбы выносят им требуемые деньги или предмет.

На иных миниатюрах представлены сюжеты, когда ученик по требованию наставника заходит в горящую печь, но не сгорает. Это — миниатюры «Абу Наср Саррадж рвется в огонь» (л. 287б), «Ахмад Хури в печи» (л. 395б), «Ахмад Хури и его учитель» (л. 169а). В двух последних случаях действие представлено на открытой террасе, где рядом с наставником, седобородым старцем (или вокруг него) сидят несколько муридов и наблюдают, как внизу, в золотистом круге горячей печи, сидит в оранжевых языках пламени мужчина. На л. 287б это происходит в центре холмистой равнины, где лежащий на земле мужчина положил голову и плечи в красные языки пламени горящего костра.

Есть миниатюры на тему «чуда», совершенного как бы одаренным антропоморфным сознанием существом — птицей, змеей. Так, миниатюра на л. 27б посвящена сюжету, по которому основателя мазхаба Малика разбудила веткой нарцисса змея. Другая миниатюра повествует о заговорившем вдруг петухе, которого подарили Абу Хамзе (л. 335б). В обоих случаях действие происходит на равнине, перед беломраморным павильоном. Сюжет выражен совершенно конкретно, обозначены объекты и субъекты действий: спящий мужчина, над которым ползет змея, — в одном случае и бело-оранжевый петух, вокруг которого собрались слушающие его и жестикулирующие в возбуждении мужчины — в другом. На третьей миниатюре свидетель сообщает, якобы он видел, как коршун, зависнув над головой молящегося Абулхасана, защищал его от палящих лучей солнца. Изображен парящий над молящимся в центре холмистой равнины старцем раскрывший крылья коршун (л. 339б).

Имеется в списке и миниатюра на одну из многочисленных легенд об Ибн Сине, связанную с его якобы способностью приручать хищных зверей и делать из них умных, понятливых помощников. На миниатюре изображены два собеседника, обратившиеся друг к другу с двух сторон грозного тигра, навьюченного пожитками путешествующего Ибн Сины. Собеседники: чернобородый мужчина и старец — остановились перед дверями беломраморного строения.

Две миниатюры посвящены популярным легендам о сверхъестественном излечении тяжелобольных благодаря молитвам подвижников — «Абу Умар Усман в Исфахане» (л. 217б), «Сухайл Пастори у Умара Валиса» (л. 152а). Причем в одном случае подвижник попросил больного правителя, прежде чем молиться за его здоровье, освободить заключенных и покаяться в грехах. Свершение добра помогло исцелению больного.

Приведенный обзор показывает, что как сами жития были отражением, энцик-

лопедней нравов, жизни, быта подвижников — немалой сословной группы средне-восточного средневекового общества, являвшей пример «справедной» жизни и пропагандировавшей установки суфийского учения, — так и сопровождавшие их иллюстрации отражали эти же установки. Миниатюры кашмирского списка XVIII в. разнообразием отраженных в них ситуаций и вытекающих из них выводов свидетельствуют об активном еще интересе кашмирского общества того времени к данному жанру.

Э. М. Исмаилова

НОВЫЕ КНИГИ

И. Х. ПУЛАТОВА. ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛИ И СРЕДСТВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НАРОДА

(Ташкент: Фан, 1988. 156 с.)

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена весьма важной проблеме марксистско-ленинской философии и социальных наук в целом, актуальность которой еще более возросла в условиях перестройки, демократизации всей жизни страны и активизации человеческого фактора.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе большое внимание уделено выявлению сущности социалистического самоуправления народа. Подробно анализируются его политический характер, принципы, механизм и функции. Автор рассматривает взаимосвязь планомерного и стихийного в механизмах реализации функций социалистического самоуправления народа, подчеркивает роль принципа активной информационной взаимосвязи и взаимодействия на основе прямой и обратной связи. Далее раскрывается содержание принципа триединства централизованного управления, управляемости и самоорганизации частей во взаимосвязи с принципом иерархичности процесса управления. Подчеркнута роль таких функций социалистического самоуправления народа, как функции планирования (с выделением подфункций прогнозирования и программирования), регулирования, организации, учета и контроля и др.

Во второй главе рассматривается единство цели и средств как методологический принцип теории и практики социалистического самоуправления народа. При этом особое внимание уделяется анализу взаимосвязи и взаимообусловленности цели и средств социалистического самоуправления народа, проблемам диалектики их реализации, в частности противоречиям и сложностям в осуществлении перестройки как в целом по стране, так и в УзССР в аспекте активизации человеческого фактора, демократизации общественной жизни, влияния их на процессы формирования гармонично развитой, социально активной личности.

В третьей главе исследуются пути рационализации средств социалистического самоуправления народа. При этом большое место уделяется рассмотрению методов как средств социалистического самоуправления народа, системе этих методов, политической культуре как условию и средству реализации цели социалистического самоуправления народа. В частности, автор подчеркивает роль средств организационно-стабилизирующего воздействия в системе средств управления.

Особое внимание уделяется проблемам и трудностям формирования политической культуры трудящихся, в частности молодежи.

В заключении внимание читателя акцентируется на первостепенном значении политической культуры для успешного решения актуальных задач перестройки, практического воплощения в жизнь социалистического самоуправления народа.

В качестве замечаний надо сказать, что в работе не рассмотрена достаточно развернуто диалектика цели и средств социалистического самоуправления в системе межнациональных отношений, проблемы которых обрели особую остроту в условиях роста национального самосознания социалистических наций, укрепления их суверенитета, перехода к республиканскому хозяйству и экономической самостоятельности, постановки вопросов об обновлении структуры советской федерации и межгосударственных отношений стран социализма. Впрочем, эти вопросы требуют специального исследования.

В целом же работа И. Х. Пулатова, представляющая собой комплексное исследование еще недостаточно разработанной проблемы, заслуживает внимания как специалистов, так и широкого круга читателей, интересующихся процессами дальнейшей демократизации и формирования социалистического самоуправления в нашей стране. Здесь уместно отметить, что она удостоена премии Ленинского комсомола Узбекистана.

Б. Р. Каримов

Р. С. КУРБАНГАЛИЕВА, А. М. МАШАРИПОВ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДОВ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

(Ташкент: Укитувчи, 1989. 200 с. На узб. яз.)

Подготовленное Р. С. Курбангалиевой и А. М. Машариповым учебно-методическое пособие призвано оказать помощь студентам в их самостоятельном усвоении основных вопросов вузовского курса истории средних веков, особенно его социально-экономических проблем, на основе изучения трудов классиков марксизма-ленинизма. Произведения основоположников научного социализма дают ключ к правильному пониманию закономерностей исторического развития. Будучи руководящими методологическими пособиями, они вместе с тем во многих случаях имеют большое значение как источники, содержащие важный фактический материал.

Авторам в целом удалось решить поставленную задачу.

Работа состоит из введения, четырех разделов и заключения, с приложением краткого списка литературы. Здесь прежде всего показана роль К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина как основателей марксистской историографии и выдающихся исследователей истории человечества, в том числе эпохи феодализма. В работе раскрыто понимание основоположниками марксизма-ленинизма основных проблем истории средних веков, как разложение родового строя у германцев и славян; развитие и формирование земледельческой общины в Европе и постепенное превращение ее в общину-марку; процесс феодализации в Западной Европе и аграрный переворот в VII в.; характеристика светского и церковного поместья VIII—IX вв. как источника получения феодальной ренты и др.

Студенты на основе изучения трудов Ф. Энгельса, а также работ советских историков уясняют себе ошибочность концепций Фюстель де Куланжа с его эволюционной теорией развития общества, с утверждением принципа «извечной» частной собственности на землю, пониманием истории развития средневекового общества как прямого продолжения экономического развития Рима и т. п.

Далее авторы характеризуют развитие феодализма в Западной Европе в свете положений классиков марксизма-ленинизма, которые прослеживают процесс разорения свободного крестьянства, утраты им прав собственности на земельные владения, превращения в зависимых людей, сложения крупной земельной собственности светских и духовных феодалов и т. д.

Подробно изложены высказывания основоположников научного социализма о феодальном городе, его роли в развитии товарно-денежных отношений в Западной Европе, о развитии ремесленного производства, организации цехового ремесла, положении крестьян и ремесленников, крупнейших народных восстаниях и др. Столь же обстоятельно освещается данная ими характеристика эпохи позднего средневековья, разложения феодализма, процессов первоначального накопления капитала, складывания абсолютных монархий, развития гуманистического и реформаторского движения, буржуазных революций в Западной Европе, развития культуры.

На наш взгляд, первая глава носит скорее историографический характер, и ее можно было сократить за счет чисто историографических сведений. В работе встречаются отдельные повторы, нарушения логической связи в изложении материала.

И тем не менее это — безусловно полезное пособие, нужное как студентам, так и преподавателям общеобразовательных школ, ведущим курс истории средних веков.

М. Г. Исхакова, Г. И. Желтова

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

НАУЧНО-РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК. ЧАСТЬ I

(Ташкент: Фан, 1989. 187 с.)

Недавно в Издательстве «Фан» вышел первый выпуск научно-реферативного сборника «Общественные науки Советского Узбекистана». Сборник подготовлен на основе работ, опубликованных в издательствах Узбекистана в 1987 г. на разных языках. Сюда вошли рефераты на монографические исследования по таким отраслям науки, как философия, история, экономика, право, филология, востоковедение и археология. Рефераты написаны сотрудниками Института АН УзССР: философии и права, экономики, языка и литературы, СОПСа, востоковедения и ЦНИОН. Всего в сборник включено 40 рефератов. Работы, не вошедшие в реферативную часть сборника, представлены в соответствующих разделах в виде аннотированной библиографии.

Сборник знакомит читателей с книгами, касающимися вопросов диалектики и истмата, истории философии, религии, истории Узбекистана, перспектив экономического развития Узбекистана, правовых мер по борьбе с преступностью и т. д.

В целом авторы рефератов стремились наиболее полно отразить структуру и суть исследований, осветить в рамках возможного основные аспекты исследуемых проблем, подходы и выводы авторов. На наш взгляд, почти все рефераты выполнены успешно, и, несомненно, сборник достиг своей цели, направленной на пропаганду достижений общественных наук в Узбекистане. Он дает читателю возможность оперативно ознакомиться с сутью публикаций по основным направлениям общественных наук в Узбекистане.

Значимость этого первого в Средней Азии сборника такого рода обусловлена уже тем, что до сих пор информация и пропаганда достижений общественных наук в Узбекистане были возможны лишь через реферативный журнал «Общественные науки в СССР», издаваемый ИНИОном АН СССР. Естественно, из-за большой перегруженности материалами этот общесоюзный журнал не мог даже частично информировать об изданиях, выходящих в Узбекистане. Такие сборники давно уже выпускаются в Закавказье, на Украине, Белоруссии и др. Теперь аналогичные издания будут публиковаться и у нас, своевременно информируя научных работников, преподавателей, аспирантов, лекторов-пропагандистов о результатах научных изысканий обществоведов Узбекистана.

В этой связи надо отметить, что, к сожалению, в данном сборнике рефератами охвачены не все издания 1987 г. Этот пробел надо устранить. Полагаем также, что материалы в сборнике следует публиковать и на узбекском языке. Кроме того, следует шире привлечь к написанию рефератов преподавателей кафедр общественных наук вузов республики, не ограничиваясь только сотрудниками АН УзССР.

Э. Дж. Бабаева

МУНДАРИЖА

Т. Бедринцева, Г. Маҳмудова. УзССРда машинасозликнинг асосий ишлаб чиқариш маблағларидан фойдаланишда самарадорликнинг ошиши масаласга оид	5
А. Я. Шогимуродов. Дастлабки терговдаги ҳимоя воситалари ҳақида.	10
Л. И. Остонова. Гувоҳ ва унинг суд жараёнидаги роли.	16
Н. О. Османов. Диалектика, мантиқ ва билиш назариясининг умумийлик принципини системали изоҳлаш.	22

Сиёсий портретлар

Б. Х. Эргашев. Абдуқодир Муҳитдиновнинг инқилобий, партиявий ва давлат арбоби сифатидаги фаолияти	33
---	----

Илмий ахборот

Б. А. Қўшжонов. Лениннинг «Туркистон коммунист ўртоқларга» варақа кўринишидаги хати (Нашр этилиши ва оммалашувининг 70 йиллигига).	41
З. Файзиева. Туркистоннинг инқилобий ва миллий-озодлик ҳаракатида ҳунарманд-косибларнинг иштирок этиши.	42
Т. Қодирова. IX—X асрларда Мовароуннаҳр ва Хуросонда халқ ҳаракати идеологияси.	45
А. Ирисов, Х. Жонматова. Форобий адабиётшунос ва филологдир.	51

Фан янгилклари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

Э. М. Исмоилова. Ф. Атторнинг «Тазкирот ал-авлиё» Қашмир нусхасига миниатюралар.	54
--	----

Янги китоблар

Б. Р. Қаримов, И. Ҳ. Пўлатов. Халқнинг социалистик ўзини ўзи идора қилишнинг мақсад ва имкониятлари диалектикаси.	59
М. Г. Исҳоқова, Г. И. Желтова, Р. С. Курбонғалиева, А. М. Маширипов. Урта асрлар тарихини ўрганишда марксизм-ленинизм класикларининг асарларидан фойдаланиш.	60
Э. Ж. Бобоева. Совет Ўзбекистонда ижтимоий фанлар: Илмий-реферат тўплам. I қисм.	60

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Бедринцева, Г. Махмудова. К проблеме повышения эффективности использования основных производственных фондов машиностроительного комплекса УзССР	5
А. Я. Шагмуратов. О средствах защиты на предварительном следствии.	10
Л. И. Астанова. Свидетель и его роль в уголовном судопроизводстве . . .	16
Н. О. Османов. Системная интерпретация принципа единства диалектики, логики и теории познания	22

Политические портреты

Б. Х. Эргашев. Революционная, партийная и государственная деятельность Абдукадыра Мухитдинова	33
---	----

Научные сообщения

Б. А. Кошанов. Ленинское письмо «Товарищам коммунистам Туркестана» в виде листовки (К 70-летию издания и распространения)	41
З. Файзиева. Участие ремесленников-кустарей в национально-освободительном и революционном движении в Туркестане	42
Т. Кадырова. Идеология народных движений в Мавераннахре и Хорасане IX—X веков.	45
А. Ирисов, Х. Джанматова. Фараби как литератор и филолог	51

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Э. М. Исманлова. Миниатюры к кашмирскому списку «Тазкират ал-авлия» Ф. Аттара	54
---	----

Новые книги

Б. Р. Каримов, И. Х. Пулатов. Диалектика цели и средств социалистического самоуправления народа	59
М. Г. Исхакова, Г. И. Желтова, Р. С. Курбангалиева, А. М. Машарипов. Использование трудов классиков марксизма-ленинизма в процессе изучения курса истории средних веков.	60
Э. Дж. Бабаева. Общественные науки Советского Узбекистана: Научно-реферативный сборник. Часть I.	60

НАШИ АВТОРЫ

- Османов Н. О.**— доктор философских наук, отв. организатор Самаркандской областной организации общества «Знание».
- Бедринцева Т.**— кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник СОПС АН УзССР.
- Джанматова Х.**— кандидат философских наук, доцент ТИТЛП.
- Ирисов А.**— кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруви АН УзССР.
- Исмаилова Э. М.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института искусствоведения им. Хамзы Хаким-заде Ниязи.
- Кадырова Т.**— кандидат исторических наук.
- Кошанов Б. А.**— кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева ККФАН УзССР.
- Файзиева З.**— кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Эргашев Б. Х.**— кандидат философских наук, ст. преподаватель БухТИПЛП.
- Астанова Л. И.**— преподаватель ТВШ МВД СССР.
- Махмудова Г.**— аспирант СОПС АН УзССР.
- Шагимуратов А. Я.**— адвокат юрколлегии Кировского района г. Ташкента.

ПОПРАВКА
В № 7 журнала за 1989 г. на с. 64, стр. 9 сверху, следует читать:
...АН СССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349